

Марина
КРАМЕР

История
сильной
женщины

**ПОСЛЕДНЕЕ ЯПОНСКОЕ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ**

КРИМИНАЛЬНАЯ
Масорама

История сильной женщины

Марина Крамер

Последнее японское предупреждение

«ЭКСМО»

2014

Крамер М.

Последнее японское предупреждение / М. Крамер — «Эксмо»,
2014 — (История сильной женщины)

ISBN 978-5-457-56074-1

Стоило только Александре Гельман подумать о том, насколько она счастлива: любящий и любимый муж, прекрасная дочка и отец, наконец остепенившийся и живущий с ними в одном огромном доме, — как тут же жизнь стала один за другим подкидывать неприятные сюрпризы... Сначала кто-то обвинил в газетной статье ее отца-банкира в хранении в собственном банке украденного из местного музея японского клинка, попутно припомнив и расписав в красках его криминальное прошлое. Затем, поругавшись с тестем, ушел из дома муж Саши, за ней кто-то начал следить, и в довершение всего была похищена дочь Соня! В такой ситуации Александра принимает единственное, на ее взгляд, правильное решение — найти своего ребенка самостоятельно, ведь скромной преподавательнице медицинской академии не впервой выходить на тропу войны со снайперской винтовкой наперевес!!!

ISBN 978-5-457-56074-1

© Крамер М., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Александра	7
Евгения	14
Александра	16
Евгения	24
Александра	25
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Марина Крамер

Последнее японское предупреждение

«Когда же я, наконец, перестану таскаться сюда, как на службу? Уж лучше устроиться санитаркой – все равно их работу делаю, а так денежки бы капали, хоть какая-то помощь. Целыми днями – «Женя, принеси, Женя, подай, Женька, что раззявилась, судно полное. Женька, поверни, Женька, помоги простыни поменять». Коровы ленивые! Если бы не я... Нет, даже думать не хочу».

Привычно выдернув в холле из потертой дамской сумки белый халат и стоптанные тапочки, она переоделась, спрятала в большой пакет из дешевого супермаркета золотаные сапожки и плащ, проверила в кармане пропуск, подхватила стоявшую у ног коричневую хозяйственную сумку и двинулась к турникету. Там ее приветствовали как родную. Высокий охранник, молодой парень с русой шевелюрой, поправил черную чоповскую куртку и улыбнулся:

– Здорово, Женька. Как погода? Шепчет?

– Ага – в пледик, шепчет, завернись да с кружкой чая обнимись, – фыркнула она, протягивая ему пропуск, но охранник махнул рукой:

– Ой, да иди ты уже, наизусть я твой пропуск знаю, поди, не первый день. Помочь сумку-то допереть?

– Спасибо, Миша, – искренне ответила девушка, перехватывая удобнее ручку тяжелой хозяйственной сумки, – сама как-нибудь.

Охранник кивнул, провожая взглядом худую, чуть сгорбленную фигурку, направившуюся к лифтам:

– Слышь, Жень! Лифты не работают с утра.

Девушка замерла на мгновение, потом выругалась вполголоса и повернула к лестничному маршу. Подъем с ношей на седьмой этаж она выполняла примерно раз в неделю – именно с такой периодичностью отключались оба лифта в больнице.

Сегодня, серым дождливым утром, больничная палата казалась особенно мрачной и обшарпанной. Словно впервые Женя вдруг увидела облупившуюся штукатурку, огромные трещины на потолке, отколовшийся местами кафель возле умывальника, затертую до беловатых пятен поверхность высокого деревянного стола-поста, за которым сегодня оказалась медсестра Аня, грубоватая девица с удивительно ловкими руками – могла попасть иглой в любую вену даже с закрытыми глазами. Видимо, именно потому она чаще других подменяла постоянную сестру Иру, у которой часто болел ребенок. Женя не любила ни ту ни другую, обе девицы казались ей высокомерными, иногда почти по-хамски грубыми, хотя должное их профессионализму она все-таки отдавала. Что Аня, что Ира никогда не обходили вниманием ни одного из своих нелегких пациентов.

– Что-то поздно ты сегодня, – буркнула Аня, сосредоточенно выписывая что-то из листов назначения в свой журнал, – твоя-то вон лежит вся мокрая.

Женя стремительно метнулась к окну, минув еще две такие же отгороженные друг от друга полупрозрачными клеенчатыми шторами кровати. Там, на «блатном» месте, вот уже четвертый месяц лежала Лена. Вернее, то, что от нее осталось.

– Что, простыни сменить некому было? – враждебно спросила Женя, ногой засовывая сумку под кровать.

– Нас двое, их пятеро, сама знаешь, – невозмутимо ответила Аня, – мы с Риткой и бесхозных еле успеваем обрабатывать, а тебе пропуск по уходу для того и выписан. Сиди и ухаживай. Или денежки плати, сиделку нанимай.

– Ты ведь знаешь, что денег у меня нет, – огрызнулась Женя, аккуратно сворачивая в рулон мокрую простыню под недвижимым телом Лены, чтобы удобнее было выдернуть ее.

– Ну а раз нет – вот сама и крутись, – беззлобно парировала медсестра, – мы и так ночью ее переворачиваем, каждую смену предупреждаем, чтоб смотрели. Чего тебе еще? Днем будь добра – сама все делай.

Сменив простыни, Женя вышла с охапкой мокрых в санкомнату, чтобы там упаковать их в мешки. И здесь ее накрыло – сев на край ванны, она уронила пахнущее мочой белье на пол и расплакалась от бессилия и злобы.

Александра

Вы знаете, что такое счастье? Безусловное, безоглядное счастье, когда перестаешь даже подозревать о существовании каких-то проблем в жизни? Я поняла это только сейчас, каждое утро собирая свою первоклашку в школу и готовя ей и мужу завтрак. Галя, наша старая домработница, всякий раз ворчала: мол, что ж тогда ей-то делать, если я сама, но мне очень хотелось делать все так, как это бывает у других – у моих коллег в академии, например. Раз уж вышло, что я живу в огромном загородном коттедже с прислугой и шлагбаумом на въезде, раз дочь моя в школу ездит не с отцом или матерью, а с водителем и охранником, раз даже мой свободолюбивый муж смирился с этими обстоятельствами – то хотя бы олады к завтраку я могу самостоятельно приготовить? И все – папа...

Нет, я не жалуюсь, я привыкла к тому, что вокруг моего родителя постоянно что-то происходит, взрывается, горит и стреляет. Но дочь... Соня, конечно, не понимала, почему наша жизнь устроена именно так, да, к счастью, в ее гимназии почти всех детей подвозили к крыльцу дорогие машины. Но я боялась, что рано или поздно и до нее обязательно дойдут слухи о том, что дед, любимый деда Фима, благообразный председатель совета директоров крупного банка, в прошлом был криминальным авторитетом Фимой Клецом, а обожаемый отец, папочка, папусик, которого Соня боготворит, не всегда тренировал детишек в клубе восточных единоборств и в свободное время писал большую научную работу по одному из их направлений. Раньше, давно, еще до ее рождения, Акела мог убить любого всего лишь движением хорошо натренированных пальцев. Он и сейчас наверняка может, просто теперь ему это не нужно уже, – и жизнь другая, и ценности тоже. Но люди злы, завистливы, мелочны, они не гнушаются ничем, им все равно, кого ранить – будь то взрослый или ребенок. Этот вопрос уже давно начал мучить меня, и я все время приставала к мужу, но Саша только бросал в мою сторону угрюмый взгляд единственного глаза и тихо говорил:

– Аля, решай проблему тогда, когда она появилась, а не тогда, когда ты ее выдумала.

Меня спокойствие мужа порой выводило из себя, но я понимала – он, наверное, прав. Зачем травмировать психику ребенка разговорами, которых она сама пока не заводит?

Мы действительно были очень счастливы, и воспоминания о прошлом практически перестали тревожить меня, хотя на всю жизнь осталась малоподвижность правой руки и сводящие с ума головные боли, особенно перед дождями – последствия ранения в голову, перенесенного несколько лет назад. Но я научилась отлично управляться левой рукой, лишь изредка помогая себе правой, научилась твердо держать скальпель во время вскрытий, могла без ассистента отпрепарировать труп и изготовить препарат для занятий. Я по-прежнему работала на кафедре нормальной анатомии медицинской академии, а по выходным не отказывала себе в удовольствии вспомнить еще одно увлечение – стрельбу из винтовки и пистолета. Когда-то давно у меня был взрослый разряд, и это полезное умение несколько раз спасало мне жизнь. И не только мне.

Правда, вот с любовью к мотоциклам дело обстояло хуже. Муж категорически заявил, что больше не потерпит этого, не позволит сесть за руль, потому что устал бояться за меня.

– Ты уже не принадлежишь исключительно себе, Аля, – спокойно заявил он, прицепляя ключи от байка на собственную связку, – ты мать. А это – обязательства. Я не хочу объяснять Соне, что случилось, если ты вдруг однажды на скорости сойдешь с трассы и разобьешься. Я понимаю, что мое мнение тебя волнует мало, но по глупости оставить сиротой дочь ты не имеешь никакого права.

Я тогда печально проводила взглядом ключи, отлично понимая, что больше я их уже не увижу. Акела уже пытался лишить меня байка, но я всегда находила ключи и нарушала запрет, однако залезть в карман мужа не рискнула бы никогда.

Я проснулась с четким ощущением какой-то вселенской дряни, которая непременно случится сегодня. Так часто бывало – я открывала глаза и понимала, что день пойдет наперекосяк. Такие мысли я старалась гнать от себя, но сегодня это никак не удавалось. Еще и голова заболела, а у меня, как назло, был назначен семинар у второкурсников, отменить который я не могла, как и попросить замену – на кафедре случилась нехватка преподавателей, мы в этом году не получили ординаторов, и потому нагрузка распределилась между старыми сотрудниками.

Я по привычке похлопала рукой по правой половине кровати, хотя и знала, что муж уже встал – в это время он как раз отправлялся на пробежку. Дотянувшись до халата, я села и спустила ноги на пол, стараясь попасть в тапочки. Сейчас приму душ, потом заплету Соне косы – и можно готовить завтрак, хотя характерные звуки снизу подсказывали, что сегодня Галя меня опередила и уже возится у плиты. Ну, ничего...

По пути в ванную я задержалась у туалетного столика и вдруг остолбенела.

– Елки... – ахнула я, глядя в зеркало, – ты только посмотри...

– Что случилось? – Акела появился на пороге спальни, на ходу застегивая спортивную кофту – собирался на пробежку.

– Ты глянь... если меня на клубничных грядках выставить вместо пугала, птицы с перепугу вернут прошлогодний урожай...

Муж захохотал так оглушительно, что на звук его голоса из детской прибежала Соня, уже полностью одетая в школьную форму:

– Вы чего?

Акела подхватил ее на руки и, легко подкинув к потолку, сообщил:

– Твоя мама не в духе. Недовольна своим видом. Пугало, говорит, я страшное, на огороде мне самое место.

Соня вытаращила и без того огромные глаза и возмущенно заявила:

– Мама, ты что?! Ты самая красивая мама в моем классе!

– Это потому что твоя, – буркнула я, разглядывая отражение в зеркале. Сегодня я на самом деле выглядела не очень – мешки под глазами, припухшие губы, да и вообще вид какой-то сонный. В дождливую погоду всегда напоминала о себе старая травма головы, полученная в перестрелке много лет назад. Я плохо спала, мучилась от головных болей, от надвигающихся кошмаров, и в такие моменты только муж был в состоянии помочь. Он возился со мной, как с ребенком, даже на руках носил иногда, рассказывал длинные истории о самураях, читал стихи. Я чувствовала себя совсем маленькой девочкой, и это чувство почему-то давало покой и ощущение полной защищенности. Сашка всегда был надежным, спокойным и излучающим такую внутреннюю силу, которой с лихвой хватило бы на пятерых. В моем понимании он был настоящим мужчиной, мужем, отцом, защитником, и наивное словосочетание «как за каменной стеной» обретало вполне реальные очертания.

Дочь меж тем, воспользовавшись моим молчанием, слезла с отцовских рук и уже крутилась около зеркала, очень похоже копируя мои гримасы.

– Неси расческу, – велела я со вздохом, – и вообще – ты чего так рано оделась? Папа еще не бегал.

– Ну и что, – беспечно отмахнулась Соня, – я все равно с Никитой поеду. Хочу в школу пораньше приехать, там сегодня Ирка какую-то игру принесет.

– Ничего не выйдет. Завтракать мы без папы не сядем, поэтому пораньше не получится, – напомнила я о заведенной в семье традиции – это мой отец так решил, это с его подачи мы вставали к столу утром, даже если никуда не собирались.

– Ты мне косу заплети, и я пойду деда Фиму проведать, – заявила дочь, поняв, что разговор окончен.

Папа жил во второй половине огромного дома, специально отремонтированного заново с таким расчетом, чтобы создать ощущение разделенного пространства. Папа не хотел мешать нам, но в то же время хотел, чтобы были рядом, и поэтому мы, продав свой коттедж по соседству, переселились сюда. Моя благодарность Акеле не имела пределов – он подчинился и принял отцовские условия, что ему, почти папиному ровеснику, было, наверное, довольно сложно сделать. И я знала, что и папа уважает решение зятя. Акела вообще был в семье непререкаемым авторитетом, и папа, становясь все старше, молчаливо признавал его правоту и прислушивался к мнению. И это мой папа – человек, привыкший все в жизни решать самостоятельно и без чужих советов... С тех пор как в город вернулся его старый друг Бесо (не без нашего с Акелой участия, надо признать), мой папенька снова почувствовал себя сильным – все-таки многолетнее братство нельзя разорвать в один миг, даже если в дело оказался замешан чей-то родственник. Нам стоило больших усилий убедить папу, что Бесо не имел никакого отношения к интригам, затеянным его внебрачным сыном Ревазом. Именно по его вине погибли мои братья, я сама оказалась на больничной койке с огнестрельным ранением в голову, а Акела сильно пострадал при взрыве собственного джипа.

Папа очень переживал разрыв с Бесо, и мы сделали все возможное, чтобы переубедить его. Теперь старый грузин часто, как и раньше, бывал в нашем доме, баловал Соню, привозил ей игрушки, в которые, к моему удивлению, они потом с увлечением играли вдвоем, привлекая и папу. Имя Реваза никогда не упоминалось в разговорах, как будто и не было его никогда.

Так часто, как позволяли дела, к этой парочке присоединялся второй папин друг дядя Моня, старый адвокат, занимавшийся всеми отцовскими делами. В определенных кругах эта троица носила малопочтительное прозвище «Три поросенка», но они не особенно реагировали и только отшучивались – мол, все бы ничего, и внешне подходят – невысокие, с явными брюшками, да вот беда – двое из них на дух не переносили свинину по причине своего еврейства. Надо признать, триумвират двух евреев и грузина вызывал у всех неподдельное удивление, однако папа, дядя Моня и Бесо столько прошли вместе и столько отсидели на троих, что уже по праву считали себя родственниками, а детей не делили на своих и чужих. И моя Соня, как самая младшая из третьего поколения, была всеобщей любимицей, что нас с Акелой иногда возмущало. Порой, набедокулив, Сонька признавалась в содеянном не мне или отцу, а деду или кому-то из его друзей, и потом нам стоило огромных трудов применить какие-то воспитательные меры. Признаться, в детстве я иногда делала то же самое – чуть что, неслась к дяде Моне или к Бесо за помощью, и те частенько прикрывали от родительского гнева. Так что в этом Соня пошла в меня...

Дочь убежала, потряхивая тугими косичками, и я получила возможность заняться собой. С некоторых пор отросшие волосы доставляли мне определенные неудобства по утрам – ну, кому охота каждый день справляться с непокорной кудрявой шевелюрой, стараясь привести ее в опрятный и строгий вид?! Но муж категорически заявил, что больше не желает никаких стрижек – насмотрелся на меня, обритую наголо, и пришлось подчиниться. В конце концов, всегда можно сделать над собой усилие и доставить человеку радость, раз уж ему так хочется, чтобы у меня были длинные волосы. Разумеется, отращивать косу я не стала, сделала удлиненную стрижку чуть ниже плеч и, когда бывала в настроении, подолгу возилась, выпрямляя буйные кудри при помощи утюжка. Если же делать это было некогда или просто лень, то вопрос решался при помощи шпилек.

Закончив возиться с пучком, я подошла к шкафу, отодвинула в сторону зеркальную створку на рельсе и задумалась. Работа не позволяла ходить в джинсах или тем более кожаных брюках, как привыкла, потому каждое утро я изводила себя выбором очередного платья или юбки с блузкой. Будь моя воля – я ни за что на свете не покупала бы все это тряпье, обходясь несколькими парами брюк и водолазками. Но увы...

Справившись и с этим, я оглядела себя в зеркале и осталась вполне довольна – молодая женщина в строгом костюме, не пацанка, какой обычно меня видели в поселке по выходным.

В душе шумно плескался муж, вернувшийся с пробежки и проделавший обязательный комплекс упражнений с шестом во дворе перед гаражом. Шест-бо Акела использовал для тренировок каждое утро, а в выходные к нему добавлялся еще и японский боевой веер-тэссен, и это зрелище я старалась не пропускать, усаживалась на подоконник и завороченно наблюдала за плавными, почти танцевальными движениями мужа. В такие моменты Акела был прекрасен, как настоящий древний воин, и у меня всякий раз щемило сердце – неужели со мной рядом такой мужчина? Неужели я могу прикасаться к нему, обнимать, целовать? Неужели это меня он носит на руках и ласкает ночами? Неужели он – мой? Он – живое воплощение всего, о чем только может мечтать женщина? Да, возможно, я идеализировала мужа, приписывая ему какие-то совсем уж сказочные качества, но мне так совершенно не казалось. Я любила его, и даже изуродованное ожогами и шрамами лицо и отсутствие глаза не делали Акелу менее привлекательным для меня.

– Аля, ты готова? – голос мужа вывел меня из почти медитативного состояния, и я обернулась на звук.

Акела стоял на пороге спальни, в своем обычном кожаном костюме, который надевал, собираясь в клуб восточных единоборств. Там – я хорошо знала – он переоденется в белое кимоно и весь день будет заниматься с мальчишками, стараясь вернуть к нормальной жизни даже уличных бродяжек, которых он частенько приводил в клуб с вокзала или рынка. Меня удивляло такое отношение мужа к чужим детям, но потом я поняла, что Сашка таким образом словно искупает свои старые грехи. Я никогда не комментировала это вслух или при отце, но в душе очень гордилась поступками мужа.

– Ты готова? – повторил Акела, шагнул ко мне и взял за руку.

– Поцелуй меня, – вдруг попросила я, встав на цыпочки и зажмурив в предвкушении глаза.

Но почему-то сегодня поцелуй мужа показался мне торопливым и даже каким-то нервным.

– Что-то случилось?

– Бесо приехал, – коротко бросил Саша, и сердце мое заколотилось от нехорошего предчувствия: в такую рань Бесо без причины не являлся. – Тебе придется завтракать с Соней вдвоем.

– Я сейчас Никите позвоню, пусть он с ней позавтракает и сразу в школу ее везет.

– Нет, Аля. Я сказал: ты позавтракаешь с Соней и потом проводишь ее в школу, – не повышая голоса, но с нажимом сказал муж, и я поняла, что меня просто убирают, потому что предстоит какой-то серьезный разговор, и папа, как, собственно, и Акела, не хочет, чтобы я при нем присутствовала.

– В чем дело?

– Ты прекрасно знаешь, что я не скажу. Забирай Соню, и идите в кухню. Все.

Это короткое «все» ясно дало понять, что разговор окончен, и я должна подчиниться. С годами я научилась распознавать интонации мужа и четко улавливать те, к которым стоило немедленно прислушаться. Как сейчас.

Я послушно кивнула и пошла вниз, где в столовой за накрытым к завтраку столом уже сидели мой отец, Соня и Бесо, то и дело вытиравший платком лицо.

– А, Саня, – старый грузин поднялся мне навстречу, раскинув в стороны руки.

Я обняла его, чмокнула в щеку:

– Давно не виделись.

– Дела, Санюшка, дела, – неопределенно отозвался он и как-то затравленно посмотрел на папу.

Я тоже перевела взгляд на родителя и мгновенно поняла – что-то случилось. Папа сидел, поджав губы и сощулив глаза, что являлось признаком крайнего напряжения. Если бы не сидевшая рядом Соня, он уже орал бы и метался по комнате, как делал всегда, но присутствие внучки заставляло его сдерживаться. Акела был прав, отправляя меня завтракать в кухню, – папе с его больным сердцем держать в себе эмоции категорически запрещалось.

– Сонечка, идем со мной. – Я взяла дочь за руку, помогая выйти из-за стола.

– Мам, мы еще не завтракали, – возмутилась она.

– Мы с тобой пойдем в кухню, там Галя одна, ей скучно.

– Баба Галя всегда одна кушает, и ничего, а сегодня скучно, – пробурчала дочь, выбираясь из-за стола.

Я прекрасно понимала, что ей хотелось завтракать с дедом, отцом и Бесо, который развлекал ее и смешил, мне и самой было любопытно услышать их разговор, но послушаться Акелу я не могла. Мы спустились в кухню, оборудованную в полуподвале, огромную и очень уютную. Домработница Галя сидела за столом и размешивала мед в большой белой чашке, над которой поднимался пар от горячего молока.

– Санечка, а чего это вы сюда? – удивленно спросила она, когда мы с Соней вошли.

– Бесо приехал, – коротко отозвалась я, и Галя прикрыла рот ладонью – не первый день работая в папином доме, она прекрасно понимала, что к чему.

– Да вы чего ж стоите-то, садитесь, сейчас все подам, – засуетилась она, выбираясь из-за стола и направляясь к посудному шкафу.

– Баба Галя, давай я тебе помогу, – тут же вызвалась Соня и сама принялась вынимать с полки чайные чашки, блюдца и тарелки.

Воспользовавшись тем, что дочь и домработница отвлеклись и накрывают на стол, я выскользнула из кухни и на цыпочках прокралась в соседнюю со столовой комнату. Там, прильнув к стене, я затаила дыхание и стала слушать.

– ...и я ему говорю – ты оборзел, в натуре? С горы ли пятьдесят один процент? Контрольный пакет слить тебе – а не жирно хавать собрался, печень не побеспокоит? – гремел Бесо. – В натуре, задрали новоделы эти! Никаких понятий!

– Ну, ты за понятия зря заговорил, – перебил отец, – не к месту и не ко времени. Скажи, Акела, чего отмалчиваешься?

– Думаю. Надо понять, почему именно сейчас и что есть в загатнике. Чтобы выдвинуть такие требования, нужно иметь что-то такое, от чего мы не сможем отвертеться. Какие-то совершенно убойные аргументы. И я пока не вижу, что это может быть. – Спокойствие в голосе мужа действовало на окружающих магнетически, я это знала и была уверена, что сейчас успокоятся и излишне эмоциональный Бесо, и пока не успевший выйти из себя папа.

– Да мать ты моя в коньках на босу ногу! – взревел вдруг против моего ожидания отец. – Что, скажи, – что можно мне предъявить?! Два инфаркта и хренову тучу дырок в теле?!

– Фима, не кричи. Ты не хуже меня знаешь, что при желании всегда можно накопать, – не повышая голоса, отозвался мой муж, – нужно искать, кому выгодно, потому что я уверен – Бесо звонил какой-то подставной или «шестерка». Тот, кто затеял игру, не будет светить лицо до времени.

– С чего ты взял? – в голосе папы я очень хорошо слышала нотки недоверия, и это мне было непонятно – Акела практически никогда не ошибался.

– Подумай сам. Если бы ты рассчитывал сорвать с кого-то дурной куш при помощи шантажа – ты стал бы делать это собственноручно? Или все-таки подстраховался бы?

– Что, думаешь, тот, кто это замутил, боится, что я в ментовку кинусь? – безразлично спросил отец, но Акела продолжал:

– Я бы не стал сбрасывать со счетов такую возможность. О том, что этого не случится, ты знаешь, Бесо, я – но посторонний не может быть на сто процентов уверен.

– Да мне запахло к ментам соваться, как ты не поймешь?! И все, кто меня знает, будут в этом уверены, бошки свои прозакладывают!

– Пусть так. Но ты уверен, что это кто-то из тех, кто в теме? Это может быть просто залетный...

– А откуда у залетного какое-то досье, а?! – перебил папа, и я услышала звук разбившегося стекла – родитель явно смахнул что-то на пол.

– Ты не видел этого досье, – по-прежнему невозмутимо ответил Акела, – и Бесо его не видел – так ведь? Был только разговор, а слова ни к чему не пришьешь, если нет доказательств.

– Да идите вы оба... к нехорошей маме! – снова взорвался отец, и на пол опять что-то полетело. В последнее время папа вдруг пристрастился к битью посуды, и бедная Галя вынуждена была раз в две недели пополнять запасы.

– Ты, Фима, на голос-то не брал бы, – отозвался молчавший до сих пор Бесо, – Акела правильную тему толкает, если вдуматься. Давай здраво рассуждать...

– Вот и рассуждай – здраво! – огрызнулся папа. – Возьми вот и привези мне этого переговорщика, а уж тут я из него все и сам вытрясу!

О, черт... Это мне совершенно не понравилось – ведь я просила никогда не устраивать разборок в доме, где живет мой ребенок. Ну, если вдруг до этого дойдет, я заставлю отца считаться с моим мнением – еще не хватало, чтобы Соня ненароком что-то услышала или – вообще не дай бог – увидела! Я вам покажу разборки...

Видимо, поддавшись раздражению и возмущению, я сделала какое-то неловкое движение и случайно задела локтем стоявшую на комодке китайскую вазу. Ну, просто не утро, а мечта торговца посудой... На раздавшийся грохот, естественно, вошел Акела и застал меня на месте преступления. Покрытое шрамами лицо мужа омрачилось, единственный глаз прищурился – это не предвещало ничего хорошего, и я понуро опустила голову, но потом вдруг решила, что в этой ситуации выгоднее нападать, чем обороняться:

– Да! Вот прикинь – да, подслушивала! – с вызовом заявила я, вытягиваясь во весь свой невысокий рост и задирая подбородок. – И то, что я услышала, мне не нравится, ясно?! Только попробуйте здесь мясорубку устроить...

– Ты погляди! – загремел голос отца, и я обернулась – папа стоял на пороге, ухватившись руками за косяки. – У нее еще пионерская зорька в заднице играет, а она тут предъясняет! Ты кого на голос взять решила?

– Фима, я сам, – чуть заметно поморщился Акела, но папа не желал спускать на тормозах мой очередной проступок:

– Знаю я твое «сам»! Она ж веревки из тебя крутит! Только и потекаешь капризам!

Это была вопиющая несправедливость – уж если кто и имел на меня влияние в этой семье, так только муж, и папа был сто раз не прав, обвиняя его сейчас в мягкости и каких-то там поблажках.

Акела снова поморщился, но голос по-прежнему не повысил:

– Я же сказал – сам разберусь.

Однако папенька уже вошел в раж – утренние негативные новости и без того заставили его нервничать, а тут еще и я со своими выходками, и этого вспыльчивому отцу оказалось с лихвой. Он заорал так, что я невольно присела и зажала руками уши:

– Да... вашу..! В собственном доме все поперек идут, как тут вообще с чем-то можно разобраться?! Задолбали спорить! Акела! Забирай на хрен свою жену, и идите оба к себе! Слышишь?! Оба – к такой-то матери, я сказал! – тут он сделал паузу, подошел ко мне и взял пальцами за подбородок: – А ты, Александра... если еще раз... поняла?!

– Поняла, – выдавила я, понимая, что сейчас выгоднее согласиться со всем, что говорит отец, чтобы не распалять его еще сильнее и не довести – не дай бог – до сердечного приступа.

Мы вышли из комнаты и молча поднялись к себе. Сашка закрыл дверь, прислонился к ней спиной и мрачно взглянул на меня:

– Ну, что? Добилась, чего хотела?

– Ничего я... – но он перебил:

– Аля! Молчи и слушай. Больше никогда ты не будешь вмешиваться в наши с Фимой дела, понятно? Я не хочу, чтобы ты в них вмешивалась. Если тебе наплевать на меня и мое мнение, то подумай о Соне.

Я машинально взяла со столика расческу и крутила ее в руках. Разумеется, я не была согласна с мужем, разумеется, я никогда не дам ему обещания не вмешиваться в их с папой дела хотя бы потому, что они оба родные мне люди, и я должна быть в курсе всего, что с ними происходит. Иначе я никак не смогу помочь им, если это будет нужно. Но Соня... Моя кудрявая дочка, сидящая сейчас в кухне с Галей... И Сашка прав – я должна думать и о ней тоже, вернее, о ней в первую очередь. Я ответственна за нее. Но разве сам Акела не несет ровно такую же ответственность? Разве он – не отец ей? Почему я должна думать о Соне, а он нет?

– Я тоже думаю о ней, – сказал муж, и я вздрогнула, забыв о своей привычке иной раз думать вслух, – но ты мать. Ты должна больше внимания уделять дочери, Аля, а не тому, что происходит в банке отца.

– А дело в банке?

– Не пытайся подловить меня.

Муж произнес это таким тоном, что я, наконец, уяснила – все, пора закрывать рот. Отбросив расческу на кровать, я подошла к Сашке и вжалась лицом в грудь:

– Прости... ты прав, конечно.

Руки мужа крепко взяли меня за плечи и слегка встряхнули:

– Аля, я не шучу. Мне действительно *не нужно*, чтобы *сейчас* ты вмешивалась в происходящее, понимаешь? – и то, как он выделил голосом именно эти два слова, только лишний раз убедило меня в том, что назревают крупные неприятности. – А теперь... – Сашка перевел взгляд на настенные часы, – тебе не кажется, что вы уже опаздываете?

– Ох ты, черт! – Я совершенно потеряла счет времени, и мы действительно уже опаздывали – Соня в школу, а я на первую пару у студентов-первокурсников.

– Вот так и бывает, когда суешь свой нос в чужие дела. – Сашка ласково потрепал меня за щеку и отошел от двери: – Все, беги, а то совсем опоздаешь.

Евгения

– Женька, ты чего разлеглась-то? – за плечо нещадно трясли, и Женя, прикорнувшая в изголовье кровати, резко выпрямилась и села:

– Что?!

– Не видишь, катетер выскочил? – Аня бесцеремонно сдернула одеяло и ткнула пальцем в желтоватое пятно, расплывшееся под телом неподвижно лежащей Лены.

– Ну, так поправь, – враждебно огрызнулась Женя, – это не моя обязанность.

– Твоя обязанность сидеть и следить, а не дрыхнуть тут, как в доме отдыха, – зло бросила Аня, надевая резиновые перчатки, – неси давай белье сухое.

Женя вышла из палаты, закрыла дверь и, прислонившись к стене, заплакала. От усталости подкашивались ноги, все утро, с пяти часов, она драила лестницы в девятиэтажке, а потом сломя голову бежала сюда, в больницу, и, сделав все необходимое, присела на угол кровати и незаметно для себя задремала. И надо же было случиться, что этот злосчастный катетер выскочил именно в эти пятнадцать минут!

– Ты чего реवेशь? – раздалось рядом, и Женя мгновенно вытерла глаза. Около нее стоял Миша, тот самый охранник, что постоянно предлагал свою помощь. – Случилось что?

– Н-нет, устала просто, – пробормотала девушка, пряча глаза.

– Ты во сколько домой сегодня пойдешь?

– Не знаю... часов в девять, наверное. Покормлю, перестелю на ночь – и поеду.

– Тогда я тебя подожду? Смена в восемь закончится.

Женя удивленно посмотрела на молодого человека:

– Зачем?

– Ну, как... домой провожу, – смущенно проговорил он.

– Зачем? – повторила Женя, и Миша совсем растерялся:

– Так это... темно же... поздно...

«Каждый день темно и поздно», – хотела ответить девушка, но в этот момент дверь палаты открылась, и оттуда выглянула Аня:

– Нет, ты гляди! Я ее с бельем жду, а она тут амуры разводит! – И Женя, забыв о Мише, метнулась в другой конец коридора, к встроенному шкафу с постельным бельем.

Она уже давно привыкла действовать почти на автопилоте, не глядя, брала с полок нужные вещи, не задумываясь, как и что делает, меняла постель под неподвижным телом Лены, машинально рассовывала грязное по нужным мешкам в санкомнате. Точно так же в часы приема пищи вставляла в зонд большой пластиковый шприц, вливала в него подогретый бульон с разведенным в нем детским мясным пюре и уже почти перестала замечать цифру на ценнике в супермаркете, где покупала это самое пюре. Денег не хватало ни на что, все уходило сюда, в больницу, в карманы ночным сиделкам из здешних же санитарок. Оставаться на ночь Женя не могла – если не спать, то она совершенно перестанет держаться на ногах, а ведь нужно еще и работать, чтобы совсем не умереть с голоду ни ей, ни Лене. Она хваталась за любые возможности, будучи бухгалтером, вела несколько фирм, составляла отчеты, даже в больницу таская с собой старенький, еле-еле работающий ноутбук. Она мыла полы в соседнем доме, потому что это можно было делать три раза в неделю рано утром, не выкраивая для этого время днем. Иногда, если оставались силы, Женя здесь же, в больнице, брала заказы на вязаные варежки, шарфики и шапочки для малышей, и медсестры охотно обращались к ней. Но на это тоже нужно было время, которого катастрофически не хватало. Как и денег. В их с Леной комнатах в коммуналке на окраине города не осталось ничего ценного, даже телевизор Женя давно продала какому-то мастеру-надомнику на запчасти – все равно его никто не смотрел.

Соседка Анфиса Валентиновна как-то утром в кухне посоветовала, помешивая какую-то сладкую массу в кастрюльке:

– Ты бы, Женечка, одну-то комнату продала бы, что ли. Хотя не очень большие, а все же деньги. А лучше сдала бы. Так каждый месяц понемногу капать будет. А то и вовсе сразу за полгода, скажем, попроси.

– Как это? – не сразу поняла Женя, варившая бульон из куриной грудки.

– А вот так. Дай объявление да и сдай каким заезжим... Знаешь, много ведь таких-то, кому жилье недорогое нужно. А то и вовсе продать можно, если люди приличные.

– А Ленка куда же денется?

– А ты думаешь, ей эта комната пригодится теперь? – продолжая перемешивать в кастрюле отвратительно-фиолетовую жидкость, отдаленно напоминавшую кисель, поинтересовалась соседка, и до Жени дошел смысл сказанного.

Она отбросила ложку, уперла кулаки в хубые бока и грозно посмотрела на Анфису Валентиновну:

– Это что же вы хотите сказать?! Что моя сестра... никогда сюда не вернется?!

– Да ты не шуми, Женечка... просто посмотри на вещи реально. Такая травма, столько времени в коме... да разве ж она... даже если выживет...

Эти слова укололи Женю до такой степени, что она даже зажмурилась как от физической боли, затопала ногами и закричала так, что соседка в испуге шарахнулась к окну:

– Не смей! Вы слышите?! Никогда не смей так говорить о моей сестре, слышите вы?! Никогда! Лена поправится, ясно?! Чего бы мне это ни стоило! – Женя грохнула ложку в раковину и выскочила из кухни, чтобы не поддаться соблазну и не стукнуть чем-нибудь сердобольную соседку.

Анфиса Валентиновна уже не в первый раз заводила этот разговор о комнате, но никогда не говорила о Лене вот так, почти в прошедшем времени. Женя не допускала мысли о том, что сестра может не выйти из комы, не встать с кровати, не вернуться в свою комнату, в которой Женя поддерживала порядок и не тронула ни единой вещи. Она просто не хотела верить, что все ее усилия, все труды, все заботы могут не увенчаться успехом. Она должна поставить Лену на ноги – у них ведь никого нет, кроме друг друга.

Александра

Это напоминало паранойю, но я заметила за собой слезку. Да, самую банальную слезку – двух юнцов на неприметной синей «шестерке». Даже не знаю, сколько времени они мотались за мной, пока какое-то внутреннее чутье не заставило меня чуть пристальнее взглянуться в зеркало заднего вида. Машина следовала за мной на расстоянии, то и дело пропуская перед собой кого-то, но не отставала дальше, чем на три автомобиля. Я решила проверить свою догадку и, нарушив правила, свернула в запрещенном месте в переулок. Синяя «шестерка» повторила мой маневр, но, проехав немного, остановилась у обочины. Однако когда я снова выехала на магистраль, через пару минут она уже снова следовала за мной во втором ряду.

– Прекрасно, – пробормотала я, доставая сигарету из валявшейся на сиденье пачки, – так давно мы не видели приключений, что уже заскучали. Вот идиотизм... И наглые какие – почти не шифруются!

У меня мелькнула мысль притащить их к Сашкиному клубу, предварительно сделав мужу предупредительный звонок, и вот там бы красавчики все выложили, но потом я подумала, что не надо пока втягивать сюда Акелу – мало ли что. Может, мне все-таки показалось? Но интуиция подсказывала, что ошибиться я не могла – с моим-то опытом.

Тогда возник еще один план – дотянуть новых знакомых до поста ГИБДД на выезде из города и там вынудить нарушить правила, чтобы их остановили для проверки документов, а уж потом через телохранителя Никиту попытаться добыть эту информацию. Но тут я просчиталась – как будто учуяв мою хитрость, ребята в «шестерке» отстали от меня аккурат за триста метров до поста, развернулись и уехали обратно в центр. Я ударила кулаками по рулю, не в силах справиться со злостью. Но что-то внутри подсказывало, что завтра мы снова встретимся, и вот тогда, если это произойдет, я решу, что с этим делать. А сегодня дома буду молчать.

Но дома промолчать не получилось. Едва я въехала во двор, как из домика, где днем находились охранники, навстречу машине выбежал Никита. Такие выходы обычно сопровождались какими-то не особо приятными новостями, поэтому я уже заранее напряглась, и не зря.

– Ну, вы даете, Александра Ефимовна! – открывая дверку и помогая мне выбраться, заговорил Никита.

– В смысле? – Я отдала ключи подошедшему охраннику, следившему за воротами, и пошла, увлекаемая Никитой, в домик охраны.

– А что за финты в городе? Кто вам на «хвост» сел?

– Мне? На «хвост»? – не совсем натурально удивилась я, и Никита мгновенно уличил меня:

– Ой, вот никак врать не научитесь! Я вас в секунду выкупаю, удивляюсь, как только Акела все это глотает.

– Так, это не твое дело. Ты откуда знаешь про «хвост»?

– Савка позвонил.

Ну, еще бы! Как я сразу не догадалась! Я выписывала пируэты как раз в том районе, где жил брат-близнец моего телохранителя, частный детектив Савва. Разумеется, вездесущий братец оказался в нужном месте в нужное время и моментально позвонил сюда, поставил в известность Никиту. Хорошо, если последний не успел или не захотел (а что, вполне вероятно, он часто скрывал что-то, связанное со мной, от отца и мужа) поделиться этими знаниями с окружающими.

В его комнате было тепло и накурено – все, как я люблю. Обычно свои планы мы обсуждали именно тут, подальше от глаз папы и Акелы, потому что не всегда они, планы эти, были безопасны. Никита уже давно перешел в ранг моих наперсников, помогал и поддерживал, когда было нужно.

– Чая хотите? – помогая мне снять плащ, поинтересовался он, и я кивнула:

– Не откажусь.

Пока телохранитель гремел чашками и возился с заваркой, я закурила, вытянула ноги и, откинувшись на спинку стула, принялась думать. С момента разговора Бесо, отца и Акелы прошла неделя, вроде как ничего больше не происходило. Банк работал как обычно, муж мой каждое утро уезжал в свой клуб – именно в клуб, потому что папа не потерпел бы вида зятя в кожаном тряпье в стенах офиса, Акела и в деловом-то костюме выглядел весьма экзотично со своей тонкой длинной косой, прикрывавшей только макушку на выбритой голове. Я невзначай задавала какие-то вопросы, пытаюсь поймать мужа на лжи, но ничего подобного – то ли Сашка так ловко маскировался, то ли на самом деле ничего не происходило. И вдруг этот сегодняшний «хвост» за мной. Почему за мной? Я не имела никакого отношения к делам отца, никогда не была связана с банком, даже не заезжала туда. И вообще – если не знать, кто мой отец, так я вообще могла показаться скучной преподавательницей медакадемии, мамашей, занятой ребенком, – кем угодно. Если не знать...

А вот если тот, кто начал какую-то игру с папой, был в курсе, то он прекрасно знал и то, что меня, маленькую и незаметную, почти не владеющую правой рукой, в свое время пытались использовать как киллера-наемника, хорошо владеющего стрельбой из нескольких видов оружия, в том числе и из снайперской винтовки. И вот это уже могло быть интересным.

Эту мысль я и озвучила телохранителю, когда он уселся напротив меня и по привычке обхватил руками огромную кружку с чаем.

– А ведь это идея, – протянул Никита, постукивая пальцами по толстым стенкам кружки. – И, видимо, не только я знаю, что Ефим Иосифович подарил вам недавно одну интересную штучку тайком от Акелы.

– Ну, ты и жук! – с восхищением протянула я, глядя на рыжего телохранителя с уважением. – Как пронюхал? Папа столько тумана нагнал, что ни одна живая душа об этом не знала.

– Фе! Живая душа, тоже мне – критерий, – фыркнул он, беря с тарелки ядовито-розовое пирожное-макарун, от одного вида которого меня обычно тошнило, а вот Никита с братцем наперегонки могли съесть штук по десять. – Просто коробочку с этикеточкой, на которой написано «Орсис Т-5000», надо было аккуратнее сжигать, а не так, чтобы кусок из бочки вывалился.

Никита отправил пирожное в рот, а я зашлась от смеха. Да, с возрастом папа утратил все навыки конспирации...

Найденный Никитой кусок картонной коробки был не чем иным, как упаковкой от папиного подарка – наикрутейшей снайперской винтовки последнего образца, с магазином на пять патронов калибра семь-шестьдесят два или восемь-шесть, если сильно захочется. Вещь была удобной, относительно нетяжелой, всего около пяти с половиной килограммов, легко собиралась и разбиралась – словом, мечта, а не винтовка. Да, вот такие маленькие слабости за мной водились, и папа иной раз потакал им втайне от мужа. Акела, если бы узнал, не поблагодарил бы тестя за такой подарок, а я видела бы новую игрушку только в мечтах. Но, замечая следы, папа чуть ослабил внимание, и кусок упаковки просто выдуло ветром из большой бочки, в которой обычно сжигали мусор. Хорошо еще, что углядел его глазастый Никита, а не Акела...

– Да-аа, – протянула я, вытирая набежавшие от смеха слезы, – ну, ты монстр...

– Скажите спасибо, что я догадливый и осторожный парень, быстренько спалил улику и Акеле жаловаться не побежал. – Никита изобразил постное выражение лица и захлопал глазами.

– Вот уж действительно – спасибо! Но скажи, с чего ты взял, что кто-то, кроме нас троих, в курсе этого подарка?

– Ой, я вас умоляю, Александра Ефимовна! Если человек в чем-то сильно заинтересован, то приложит все усилия, чтобы как можно больше знать об объекте – ну, так ведь? Ефим Иосифович – персона заметная, его в этих-то кругах мало кто не знает, так что...

– Думаешь, и за папой кто-то ходит-ездит? – Я вытянула новую сигарету и сделала глоток чуть остывшего чая.

– А тут и сомневаться не приходится.

– Тогда я вообще ничего не понимаю.

– А как вам такая схема: прижать вас, заставить что-то этакое выкинуть, а потом этим знанием Ефима Иосифовича припугнуть?

– «Этакое» – это что же, убить кого-то? – уточнила я на всякий случай, хотя отлично понимала, что имеет в виду Никита.

Он кивнул:

– Вы ведь не хуже моего понимаете, что при должном подходе...

Это я понимала даже лучше. В моей жизни уже был эпизод, когда я под давлением вынуждена была согласиться на подобного рода операцию и в прицеле винтовки увидела собственного мужа. Ситуации кошмарнее быть не могло. Только природная изворотливость и хитрость помогли мне в тот раз избежать кошмара, но повторять собственный подвиг никакого желания, понятное дело, не было.

– Нет, этого не может быть, – пробормотала я, отгоняя от себя воспоминания.

– А зря вы так думаете, между прочим, – тут же откликнулся Никита, успевший за время моего молчания умять еще штук пять пирожных с тарелки, – тут как раз есть логика. Если кому-то нужен киллер, то вы – кандидатура идеальная во всех смыслах. И через это можно еще и Ефима Иосифовича притянуть.

– Глупости это, Никита, – не совсем уверенно протянула я, понимая, что он, пожалуй, прав, – разве сейчас так дела делают?

– Ой, много вы про дела знаете! Всегда есть люди, которым нужно кого-то убрать. А банк папеньки вашего в нашем регионе кусочек лакомый, там мно-о-го денег вертится-крутится.

– Ты бы поменьше боевиков смотрел.

– А вы бы как раз побольше, – парировал Никита, шумно втягивая чай из кружки, – а то все в обнимку с какой-то японской фигней ходите.

– Это не фигня, а сборник статей очень известного японского хирурга.

– Ну, конечно, русские-то все хирурги кончились.

– Так, хватит, – отрезала я, – что ты завел эту шарманку? Других тем у нас сейчас нет для обсуждения?

– А что тут обсуждать? Давайте проще сделаем. К Соне пока кого-нибудь другого приставьте, а я с вами покатаюсь.

Это была здравая мысль, если бы не одно «но». Чтобы сменить охранника возле дочери, мне придется сказать об этом мужу и как-то мотивировать свое желание, а как?

– Давайте я больным скажусь, – словно услышав то, о чем я думаю, предложил Никита, – ну, не станет ведь Акела возле ребенка больного охранника держать? Вот и все. И нам свободнее будет – я в город уеду, думаю, за неделю все и раскрутим.

А вот это было уже кое-что. Уйдя на якобы «больничный», Никита сможет не жить здесь, а встречаться со мной в городе, там, где ни папа, ни Акела не смогут нас увидеть.

– Есть у меня раствор один... только вдохнуть – и все, слезы, насморк, глаза красные, вот вам и грипп, – продолжал Никита, – иду с этим вечером к вам, а вы уж дальше сами, хорошо?

– Годится. – Я встала, взяла с кровати плащ и направилась к двери. – А завтра утром созвонимся.

– Вас понял. – Никита шутливо вытянулся в струнку.

Сегодня я почему-то обрадовалась, не обнаружив дома ни отца, ни мужа. Обычно я любила, когда вся семья в сборе, но именно сегодня мне хотелось побыть в одиночестве хотя бы пару минут. Голос дочери доносился из кухни, они с Галей готовили ужин, и это значило, что оторвать Соню от занятий будет нелегко. Ну, что ж – у меня есть хотя бы полчаса, чтобы побыть наедине с собой и подумать.

Переодеваясь, я почему-то вынула с полки в гардеробной не спортивный костюм, как обычно, а кимоно, и, уже надев его и повязав пояс-оби, вдруг подумала, что это во мне говорит чувство вины перед мужем. Я обещала ему ни во что не вмешиваться, но в очередной раз собираюсь нарушить данное обещание. Скорее всего, Акела, увидев меня в таком одеянии, сразу догадается, что дело нечисто, но пусть. Я смогу отмолчаться или как-то увильнуть, главное, чтобы не пристал с расспросами очень уж дотошно. Пожалуй, нужно спуститься в кухню и что-то приготовить самой... Но сил нет совсем, хочется лежать на кровати, накрывшись с головой, и не реагировать ни на что...

Но не вышло.

Отец и Акела приехали вместе, вышли каждый из своей машины и прошли в гараж. Я наблюдала за происходившим из окна спальни, к которому подошла сразу, едва заслышав звук двигателей. Отсутствовали они долго, я сгорала от любопытства, но, помня недавний разговор с мужем, разумеется, не рискнула спуститься и выйти во двор. Наконец из гаража появился мой муж, дошел до своего джипа и вынул с заднего сиденья шест-бо, хлопнул дверцей и ушел на задний двор. Это лучше остального свидетельствовало о состоявшемся неприятном разговоре – вечерами Акела хватался за шест только в состоянии крайнего напряжения. «Так, одного мы потеряли минимум на час, – констатировала я про себя, покусывая костяшку пальца, – а вот где второй?»

Папа не заставил себя ждать, вышел и, сделав пару шагов, облокотился о стену гаража, вытянул пачку «Беломора», который курил, сколько я его помнила, помял в пальцах папиросу и закурил, напряженно глядя в темное небо. Его водитель, не имевший возможности загнать машину в гараж, от нечего делать полировал и без того блестящий в свете фонаря капот. Я просто физически ощущала то напряжение, которое сейчас было во дворе. Но что произошло? Как теперь узнать, как понять? Разумеется, о прямых расспросах и речи быть не могло – ни отец, ни тем более муж ни за что не расскажут. Оставалось внимательно прислушиваться и приглядываться – другого выхода я не видела.

– Сашенька, спускайся, мы на стол накрываем, – раздался снизу голос Гали, а следом я услышала топот детских ножек на лестнице и едва успела отойти от окна, когда в комнату влетела раскрасневшаяся Соня.

– Мама, мамочка, идем скорее! – С разбегу она прыгнула мне на шею, зацепилась руками и пробормотала, ткнувшись носом в ухо: – Я даже не слышала, как ты вернулась, вот заболталась с бабой Галей!

Я поцеловала дочь, покружила ее по комнате и, поставив на пол, спросила:

– Ну а в школе как?

– Хорошо все в школе.

В этом я не сомневалась – Соня оказалась очень способной, а потому никаких проблем в учебе пока не намечалось, она была аккуратной, послушной, с удовольствием делала уроки

и хорошо читала. Думаю, во многом это была заслуга Акелы – тот занимался с Соней каждую свободную минуту, и она уже довольно хорошо говорила по-японски. Правда, папа этого не одобрял, считая, что Сашка забивает ребенку голову ненужными знаниями. Но Акела не реагировал, не вступал в споры и продолжал гнуть свою линию. Я не вмешивалась, потому что считала, что он совершенно прав.

– Мам, пойдем, – затеребила мою руку Соня, – там уже дед с папой приехали.

– Да, пойдем, поможем Гале.

Мне нужно было как-то отвлечься, потому что все, о чем я думала, мгновенно сказывалось на мимике, и выражение лица сразу рассказало бы Сашке, что не все нормально. А мне не хотелось сейчас нагружать его еще и проблемами с каким-то «хвостом». С этим мы вполне в состоянии разобраться и без него – я и Никита. Если что, всегда существовала возможность обратиться к Савве.

Галя уже накрыла большой стол в столовой, нам с Соней осталось только разложить приборы и помочь ей принести из кухни закуски и все остальное. Почему-то именно сегодня меня вдруг начала раздражать папина манера ужинать с таким пафосом – закуски, горячее, десерт. Можно подумать, не в тюрьме полжизни отсидел, а трапезничал с герцогом Букингемским! А бедная Галя потом вынуждена загружать в посудомойку пару десятков тарелок, стаканов и прочего барахла. Хорошо, что мы с Соней ей помогаем, а если бы нет? Я оглядела безупречно накрытый стол и ощутила желание дернуть за угол накрахмаленной скатерти так, чтобы все это полетело на пол и разбилось на мелкие осколки.

«Что это я? Никогда не бесилась, а тут...»

Соня, будто почувствовав мое настроение, подбежала и обняла меня за талию, задрала мордочку и, заглядывая в глаза, спросила:

– Ты заболела?

– Почему – заболела? – удивилась я, поглаживая ее по макушке.

– У тебя лицо какое-то...

– Не волнуйся, все в порядке. – Я присела на корточки и поцеловала дочь в щеку. – Ты беги пока в кухню, а я папу встречу.

Соня усккала на одной ноге в сторону кухни, а я, прихватив с вешалки в прихожей куртку, направилась во двор.

Папа о чем-то разговаривал с водителем и даже не заметил моего появления, но это меня совершенно не расстроило. Я спустилась с крыльца и, обогнув дом, оказалась на заднем дворе. Акела, сбросив прямо на землю куртку и футболку, голый по пояс крутил в руках шест, принимая различные стойки и замирая в них на несколько секунд. Было довольно прохладно, и от разгоряченного упражнениями тела мужа шел пар. Лицо Акелы было сосредоточенным и каким-то застывшим, он явно о чем-то думал, и мысли эти, похоже, были не из приятных. В другое время я бы любовалась зрелищем, затаив дыхание – настолько прекрасен был вид мужа, увлеченного любимым делом, но сейчас во всей его фигуре чувствовалась такая напряженность, что мне стало не по себе. Я стояла молча, боясь пошевелиться, чтобы не отвлечь его, не разрушить равновесие, которое Акела пытался обрести. Я знала, что во время занятий муж обдумывает свои действия, пытается просчитать какие-то шаги и принять верное решение. Знать бы еще, по какому вопросу...

Наконец Сашка закончил, подхватил с земли футболку и куртку и только теперь заметил меня:

– Аля, ты чего здесь? Холодно.

Я поправила сползшую с плеч куртку:

– Нормально. Устал?

Муж не ответил – понятие усталости было ему, кажется, вообще незнакомо, или он просто не замечал таких мелочей.

– Ты иди... я сейчас душ приму и спущусь.

– Отец все равно еще на улице толчется, я с тобой посижу, можно? – попросила я, открывая дверь и пропуская Сашку вперед.

– Мне нужно побыть одному, Аля, – сказал муж тоном, не допускающим дальнейших споров, и мне пришлось подчиниться, но для себя я сделала вывод, что между Акелой и папой что-то произошло, поэтому Сашка оттягивает момент встречи с тестем. О том, чтобы вообще не выйти к столу, речи не шло, и Акела сделает над собой усилие хотя бы ради Сони, но вот спуститься как можно позже он постарается. Пришлось идти в столовую одной.

М-да, ситуация... Я оказалась между двух огней, но дело даже не в этом, а в том, что я не понимаю происходящего, не знаю причины, не могу трезво оценить обстановку. Словом, я просто «не в теме», и это раздражает. А тут еще явился Никита в полном антураже – со слезящимися глазами, с прижатым к носу платком, и я сначала даже не поняла, в чем дело, так как уже успела забыть о нашем договоре.

– Это что с тобой такое? – удивленно спросила я, и Никита на секунду растерялся, но потом незаметно показал мне кулак, и я охнула не совсем натурально: – Ох, тыгы! Это что же – такой насморк?!

– Да сам не пойму, – прогнусавил Никита как можно громче, чтобы его мог услышать и куривший в гостиной отец, – вроде днем нормально все было, а теперь вот...

Услышав, что по лестнице спускается Сашка, я громко сказала:

– Саш, ты только посмотри... У Никиты, кажется, грипп.

– Пусть едет домой и там отлеживается, – распорядился муж, едва взглянув на картинно замершего с платком у лица телохранителя, – нечего здесь с инфекцией. Соню завтра сам отвезу, а заберет Игорь.

Игорь был папиным водителем, взрослый серьезный дядька лет сорока пяти, и доверить ему Соню мы вполне могли, теперь главное, чтобы папа не наметил на завтра никаких поездок.

– Па-ап! Никита заболел, можно завтра Игоря попросить забрать Соню из школы? – спросила я, заглядывая в гостиную, и отец, не поворачиваясь, буркнул:

– Можно.

Никита повернулся, чтобы уйти, но на секунду замешкался на пороге и украдкой показал мне знаком, что позвонит, и я кивнула.

Ужин не удался совершенно. И дело было не во вкусе приготовленных Галей блюд – тут как раз все оказалось на высоте, как обычно, – а вот выражение лиц и вообще атмосфера...

Папа сосредоточенно смотрел в тарелку, словно боясь не углядеть там чего-то опасного, Акела с отсутствующим видом перебирал палочками рис в пиале и, кажется, ни разу не поднес их ко рту. Мне вообще кусок не шел в горло, я даже не видела, что именно лежит в моей тарелке, и только Соня с аппетитом уплетала капустную запеканку и поглядывала на восхитительно красивый творожный десерт с ежевикой и малиной.

Галя расстроилась до слез, когда вошла убрать тарелки:

– Да что же это такое, а? Александр Михайлович, ну, ведь ни крошки совсем не съели, сколько положила, столько и убираю? Саша, Ефим Иосифович! Неужели невкусно? Старая стала, разучилась?

– Не галди, Галина, – поморщился папа, отдавая ей тарелку, – нормально все. Аппетита нет. Ну что, зятек, пошли, продолжим? – тяжело взглянув на Акелу, предложил он, и Сашка поднялся:

– Аля, идите с Соней наверх, займитесь чем-нибудь.

– Во-во, сразу жену свою на место поставь, а не то опять добра не жди, – пробормотал папа с таким расчетом, чтобы я тоже это услышала.

Очень чесался язык ответить что-нибудь, но, наткнувшись на предостерегающий взгляд мужа, я не рискнула, взяла Соню за руку и увела наверх, в ее комнату, где мы проводились с какой-то игрой до тех пор, пока часы не пробили десять.

Уложив дочь спать, я пошла к себе. Свет в спальне не горел, только узкая полоска пробивалась сквозь неплотно задвинутые шторы со двора, от висевшего как раз напротив фонаря. Сашка лежал на кровати, закинув руки за голову, и, кажется, спал. Я разделась и неслышно скользнула под одеяло, осторожно обняла мужа за грудь и прижалась всем телом.

– Я не сплю, – ровным тоном отозвался он, но позы не переменил.

– Саш... – Я уперлась подбородком в его грудь и попыталась заглянуть в лицо. Никогда прежде меня не смущала повязка на глазу, я даже не замечала этого, но сегодня почему-то именно вид черного кожаного кружка заставил меня вздрогнуть.

– Аля, не начинай.

– Я же вижу, что-то происходит. Я не могу тебя таким видеть. Если тебе тяжело жить с папой в одном доме, давай уедем.

– Аля, не нужно. Твой отец здесь ни при чем. То, что мы живем вместе, ни при чем.

– А что тогда?

– Я не буду это обсуждать с тобой, мы ведь договорились.

– Мы не договаривались, что ты будешь молча носить в себе то, что тебя гнетет! Мы не договаривались, что ты будешь скрывать что-то от меня, не договаривались, понимаешь? Я не могу видеть, как ты мучаешься!

– Ты ничем не сможешь помочь, а, вмешавшись, сделаешь только хуже. Той вины, что я чувствую перед тобой, мне хватит до конца жизни, не нужно усугублять.

Я оттолкнула его и села, обхватив колени руками. Эти разговоры о его якобы вине передо мной раздражали. Я никогда не винила его ни в чем – ни в отсутствии у нас собственных детей, ни в том, что несколько раз мне пришлось здорово рискнуть жизнью. Мне ничего не было нужно, кроме одного – чтобы он был рядом. Только чтобы видеть его каждое утро и ощущать его прикосновения каждую ночь. Я никогда не думала, что способна любить вот так, ничего не требуя. Я, избалованная отцом и братьями, научилась ценить человека всего лишь за присутствие в моей жизни, и ничего другого мне не было нужно. И ни за что я не променяла бы своего уже немолодого мужа на десяток записных красавцев. Я была благодарна за все, что узнала рядом с ним, и хотела только одного: всегда быть частью его жизни, разделить с ним все, что угодно. И его недоверие обижало меня. Я не хотела принимать Сашкиных вполне резонных доводов о том, что он хочет уберечь меня и Соню от возможных неприятностей, они не пугали меня – ведь рядом был он. Я просто хотела быть рядом, всегда рядом. Потому что легко быть вместе в счастье и достатке, а вот остаться вместе в горе, болезни и беде – это и есть настоящая любовь. Делить успех легче, чем неудачу.

– Как ты можешь, – дрожащим от обиды голосом начала я, – как можешь?.. Разве мне нужно, чтобы ты испытывал какую-то мифическую вину? Я приняла тебя таким, как есть, я тебя таким полюбила, и мне не нужно, чтобы ты изменился хоть на йоту, понимаешь? Потому что это будешь уже не ты! И я ничего не прошу, кроме одного – не отталкивай! Понимаешь – не отталкивай человека, который тебя любит!

Акела со вздохом сел, сгреб меня в охапку, крепко прижал к себе и проговорил:

– Алька, ты как ребенок, честное слово. С Соней легче договориться, чем с тобой. Ты не представляешь, что такое ежесекундный страх за чью-то жизнь. Не за свою – об этом я давно не думаю и отношусь как к неизбежному. А вот как мне пережить, если, не дай бог, что-то случится с тобой или с Соней? Ты думаешь, что я по каким-то одному мне ведомым принципам не хочу, чтобы ты была в курсе дел? Нет. Я слишком хорошо знаю тебя, и в этом вся проблема. Ты мгновенно ринешься что-то делать, а это редко заканчивается чем-то

хорошим, согласись. Я не хочу, не могу – понимаешь, не могу тебя потерять. Мне незачем будет жить.

Наверное, в чьих-то других устах эти слова звучали бы пафосно и пошло, но я хорошо знала своего мужа – он не стал бы рисоваться, произнося подобное, он так думал и так жил, и я ему верила. Привыкла верить, потому что не было повода усомниться.

Не знаю, почему, но слова мужа вдруг подействовали на меня как успокоительное. Или это его руки, умевшие прикосновениями вернуть мне покой... Не знаю, но, так или иначе, я совершенно расслабилась и закрыла глаза. Мне необходимо выспаться, потому что завтра предстоит нелегкий день.

Евгения

Соседка снова пекла торт. Но у Жени язык не поворачивался назвать то, что она готовила, каким-то иным словом, кроме вертевшегося в уме «хрючева». С первого взгляда становилось понятно, что употреблять в пищу это несуразное нечто, украшенное сверху пожухлыми ягодами клубники вместе с зелеными листиками и припорошенное для красоты сахарной пудрой, вообще не рекомендуется. Однако Женя знала, что Анфиса Валентиновна ухитряется продавать эти «навозные кучи», как их окрестила Лена, каким-то законченным идиоткам, готовым выложить за них около трех тысяч рублей. «За ягодки плюс еще триста, – уточняла соседка в телефонных разговорах. – Фермерский продукт!»

«Продукт» покупался Анфисой Валентиновной в ближайшем самом дешевом супермаркете, по скидочной цене, почти совершенно сгнивший и омерзительный. Весь вечер она перебирала купленную ягоду, пытаясь выудить более-менее приличную, резала ее, маскировала битые бочка сахарной пудрой – словом, делала все, чтобы придать ей товарный вид. Женя никак не могла понять, кто все эти девицы, готовые платить деньги за то, что отнимает в общей сложности пару часов времени, если испечь самой. Ни разу они с Леной не соблазнились предложением «попробовать кусочек», справедливо полагая, что неделя в инфекционной больнице идет к «кусочку» бонусом.

Сегодняшняя «куча» выглядела особенно омерзительно, и Женя, подавив тошноту, отвернулась к своей плите, где разогревала картошку, которую не смогла одолеть вчера вечером – сил хватило только поджарить, а вот съесть – уже нет.

– Опять в больницу? – поинтересовалась Анфиса Валентиновна, помешивая в кастрюльке крем.

– Ну а куда еще? – вздохнула Женя. – С ночевой сегодня уйду, там санитарка одна в ночь, не успеет ничего.

– А завтра как же?

– А завтра приеду, посплю – и после обеда снова в больницу. – Женя выключила газ и с отвращением посмотрела в сковороду – есть совершенно расхотелось, приторный запах крема, разносившийся по кухне, лишил ее аппетита.

– Ты так долго не протянешь.

– Как будто выход есть!

– Комнату сдай, говорю, – сможешь иной раз санитарке денег сунуть, чтобы ночью посмотрела.

Деньги были для Анфисы Валентиновны богом, которому она поклонялась, и ей в голову не приходило, как, взяв в руки деньги, можно не выполнить то, за что они дадены. А вот Женя хорошо знала, что, сунув в карман халата тысячу, санитарка запросто не подойдет к Лене ни разу за ночь, и только утром сменит простыни, чтобы Женя не обнаружила сестру лежащей в луже. Все это она уже проходила...

Александра

Я ехала в город, радуясь отсутствию охраны – папа почему-то забыл о своем обещании приставить ко мне кого-нибудь, а я благоразумно не напредила, лишние глаза и уши мне совершенно ни к чему. Никита я позвонила, миновав пост ГИБДД, и он сразу взял трубку:

– Ну, что – выехали?

– Да, минут через пятнадцать буду у тебя.

– Вряд ли. Как раз на въезде в город перевернулся какой-то чудаков на груженой фуре, вы бы свернули на Воронцово, через поселок быстрее, хоть и с другой стороны.

– Вот спасибо, что вовремя сказал. – Я перестроилась влево и свернула на проселок, ведущий в деревеньку Воронцово. – Тогда жди, пока я тут круги наматывать буду. И чайник поставь, я с утра не позавтракала почти.

– Может... в кафе лучше? – замялся Никита, и я догадалась, что ночь он провел не один, и, вполне очевидно, даме его на работу не нужно.

– Хорошо, давай в кафе.

– Тогда в «Макарун и капучино», – подытожил Никита, и я ухмыльнулась:

– Понятно, хоть сладенького поешь.

– И это тоже.

Воронцово я проехала довольно быстро, но застряла на въезде в город – там тоже произошла авария, такое впечатление, что все идиоты города разом выехали на трассу и решили продемонстрировать «удаль богатырскую».

Очередной «натрия долбохлорид», как называл таких наш заведующий кафедрой, раскорячился как раз поперек двух полос движения, встав на крышу.

– Это как же тебя угораздило, – бормотала я, еле продвигаясь в плотном потоке машин и то и дело поглядывая на часы, – этак ведь я совсем ничего не успею.

У меня сегодня не было пар, но нужно было успеть в библиотеку за необходимым пособием, на которое как раз подошла моя очередь в списке желающих. Если сегодня не заберу – все, книгу отдадут следующему, а там жди, когда снова повезет.

Никита снова позвонил минут через сорок, а я не приблизилась к кафе даже наполовину.

– Что – и там авария? – изумился мой телохранитель. – Я вроде все по карте посмотрел, через Воронцово свободно было.

– Ну, теперь чего уж... – и тут я осеклась, бросив взгляд в зеркало заднего вида и обнаружив в правом ряду своих «приятелей» на «шестерке». Я могла поклясться, что их до этого не было. Не было – но вот сейчас я отчетливо вижу машину, которую не перепутаю ни с какой другой. – Слушай, Никс, а ведь мой «хвост» в Воронцово обитает, – выдала я, и Никита поперхнулся:

– Вы это с чего?

– А с того. Я въехала в деревню и всю дорогу присматривалась – никого за мной не было. Зато сейчас, в пробке, я прекрасно вижу эту «шестерку». Откуда, по-твоему, она могла взяться? Не с неба же упала, правда?

– Логично. Но откуда они знали, что вы через деревню поедете?

– А они не знали. Скорее, выехали на задание, время-то как раз подходящее, вот и ехали не спеша в сторону академии. А тут такая удача...

Я закурила, исподтишка бросая взгляд в зеркало, – машина не приближалась, конечно, но упорно ехала в своем ряду, я даже могла рассмотреть сидевшего за рулем.

– Теперь нам с тобой встречаться не с руки, Никита. Давай так сделаем. Я проеду мимо кафе и направлюсь в академию, а ты выйди, посмотри и номера срисуй. Хотя они, скорее всего, левые... Черт...

– Я знаю, что делать. Вы только как подъезжать будете, мне наберите и сразу сбросьте, прямо после первого гудка, хорошо?

– Да, поняла.

– Остальное уже моя работа. Вы только ничему не удивляйтесь, не останавливайтесь, не снижайте скорость, а сразу в библиотеку, и сидите там, пока я не позвоню или не подъеду, хорошо? Ни в коем случае не уезжайте без звонка, это важно.

– Да, Никита, я поняла.

Ничего я не поняла, если честно, но в голосе телохранителя почувствовала азарт и догадалась, что у него созрел собственный план. Отлично, буду ждать.

На улицу, где находилось кафе «Макарун и капучино», я вывернула только спустя час и сразу сделала то, что обещала Никите – набрала его номер и после первого гудка сбросила. До кафе оставались считанные метры, я проскочила небольшой перекресток, чуть прибавив скорость, чтобы успеть на зеленый, мои преследователи рванули за мной, и тут прямо в бок «шестерки» влетел старый «Сааб» Саввы. Обе машины от удара откинуло на тротуар, по счастливому стечению обстоятельств пустой. Я, как и было велено, продолжила движение, отчаянно мечтая увидеть, что же будет происходить на перекрестке дальше. Но увы – пока не придет Никита, я так и буду мучиться в неведении. Что может быть хуже...

В библиотеке я провела почти весь день до закрытия, несколько раз уходила в курилку, выпила чая в буфете – Никита не звонил и не приезжал. Это было ужасно. Терпение никогда не значилось в списке моих положительных качеств, и одному богу известно, каких усилий мне стоило выполнить наказ телохранителя и не звонить ему. Чтобы хоть как-то успокоить нервы, я набрала номер мужа – вдруг он не слишком занят и сможет поговорить со мной хоть пару минут. Но телефон Акелы оказался отключен. Очень интересно...

Я не любила моменты, когда моему мужу приходилось отвлекаться от своего клуба единоборств и снова влезать в строгий костюм начальника службы безопасности банка «Барс». Папа никого не брал на эту должность, считая ее закрепленной за зятем, так ему казалось надежнее. Дело было поставлено таким образом, что вмешательства Акелы почти не требовалось, со всем справлялся его заместитель. Но в таких ситуациях, как сложилась сейчас, судя по рассказам Бесо, Саша был вынужден приезжать в офис и разбираться во всем сам. Я не любила эти моменты – в деловом костюме муж казался мне холодным, отстраненным и каким-то чужим. Мой волк-одиночка был одет в кожу и берцы, таким я его впервые увидела, таким полюбила. Но я понимала и то, что папа никому не может доверить серьезные вещи, никому, кроме Саши – для того он и переманивал его к себе. Наверное, сейчас муж занят чем-то и не хочет, чтобы его отвлекали звонками, это можно понять. Но мне так хотелось услышать его голос...

Когда зазвонил телефон, я от неожиданности даже подпрыгнула, настолько увлеклась размышлениями о муже. Звонил Никита:

– Вы еще в библиотеке?

– Ну а где мне быть? Ты ж сказал не дергаться.

– Удивительное дело! – с сарказмом протянул телохранитель. – И Александра Ефимовна не дернулась! Я уж думал, вы к поселку подъезжаете.

– Хватит ехидничать. Рассказывай.

– Так выходите, на улице дождь идет, я мокну, между прочим.

– Ты здесь, что ли? А чего картину гонишь? – возмутилась я, сбрасывая в сумку ручку, книгу и блокнот.

– Ладно-ладно, не сердитесь, пошутить захотел.

Я выбежала из здания академии и очутилась под водопадом – ливень разошелся не на шутку, а до машины предстояло пробежать метров двести. Совершенно мокрый Никита жался тут же, под небольшим козырьком крыши – в здание академии без пропуска войти было невозможно. Схватив меня за руку, Никита побежал в сторону машины:

– Быстрее, быстрее, есть шанс, что не совсем промокнете.

– Какая разница? Воды столько же...

В машине я сразу включила печку, хотя и понимала, что это мало чем поможет.

– Поедем сразу ко мне, – предложил Никита, – там обсохнем и спокойно поговорим.

– А здесь чего же?

Но Никита выразительно прижал к губам палец, и я поняла, что он имеет в виду – боится, что в машине «жучок», и это вполне оправданно.

– Ты молодец, – выговорила я одними губами, и Никита улыбнулся.

До его дома мы доехали молча, хотя меня просто распирало от любопытства, чем кончилась их афера с аварией.

В квартире у Никиты оказалось очень тепло, и пахло яблочной шарлоткой. Я ждала, что Тина, девушка Никиты, тоже будет здесь, но ошиблась. Ее присутствие выразилось лишь в еще теплой шарлотке на столе в кухне, свежесваренном чае в большой прозрачном чайнике и в висевшем на спинке стула сухом банном халате относительно небольшого размера.

– Вы халат надевайте, он новый, Тинка его не носила, – проговорил Никита, удаляясь в спальню.

– Ты что же – попросил ее уйти? – удивленно спросила я, с удовольствием сбрасывая мокрые платье и колготки и облачаясь в теплый халат.

– Она все равно к себе собиралась сегодня, – откликнулся телохранитель.

– Я б тебя давно бросила, – сообщила я, потуже завязывая пояс халата, который оказался мне велик – Тина была намного выше ростом и крупнее.

– Ну, она ж меня любит.

– Не пользовалась бы я на твоём месте этим чувством девушки в корыстных целях.

– Я ж не виноват, что она замуж не хочет. Ее устраивают свободные отношения.

Я уселась за стол, закурила и, глядя на вошедшего в кухню Никиту, насмешливо протянула:

– Ну, ты и ослик Иа... Да она говорит тебе то, что ты хочешь от нее слышать. Вот поверь мне – ни одной девушке не нравятся эти ваши «свободные отношения». Понимаешь, любая девушка хочет семью и мужа. Мужа – только ей принадлежащего.

Никита поставил передо мной чашку, отрезал кусок шарлотки и задумчиво плюхнул его в блюдо:

– Н-да? Тогда почему она не скажет мне об этом открыто?

– Ты нормальный? Да ни одна девушка ни за что этого не скажет! Это же все равно что сказать – женись на мне. А со стороны как это выглядит?

– И почему вам всегда так важно, как именно выглядит со стороны то или иное действие? – Никита отправил в рот кусок шарлотки, а я вздохнула:

– Определенно, у некоторых мальчиков мозг так и останавливается в развитии на уровне грецкого ореха. Потому что девушкам это важно – и все тут. Важно не уронить себя в чужих глазах, не выпрашивать замужество.

– То есть, если мальчик с недоразвитым грецким орехом сделает девочке предложение, она его с радостью примет? – уточнил телохранитель, отрезая еще кусок.

– Дошло! – Я картинно закатила глаза и откинулась на спинку стула. – Так, все, мы обсудили твою личную жизнь и сделали вывод, что тебе пора рискнуть и попробовать уговорить Тину выйти за тебя замуж. На этом моя миссия как психолога закончилась. Давай вернемся к нашим баранам.

– Давайте так. Я рассказываю, а вы шарлотку едите, она вкусная, – распорядился Никита, и я послушно отщипнула вилок кусочек.

Это оказалось волшебно – тающее во рту тесто, мягкие яблоки, отдающие корицей. Пожалуй, за такой шарлоткой можно забыть обо всех делах...

– Рассказываю, – удовлетворенно проследив за тем, как я жмущусь от восторга, начал Никита. – Бахнул, значит, Савка эту тачку, выскочил – и давай наезжать – мол, идиоты, светфор для кого? Из «шестерки» вышли двое – один молодой совсем, сопля соплей, лет восемнадцати. А второй постарше, седой такой, с перебитым носом. Давай Савку уговаривать – мол, мужик, давай разъедемся по тихой, мы не в претензии, а ты виноват. Ну, Савка уперся – нет, хочу по закону, хочу, чтоб по-честному. Не поверите, но старый ствол вынул – и Савке в бочину: не поднимай шума, и целый останешься. Ну, тут я подтянулся, молодого прижал к капоту, старый подрастерялся, а Савка успел ствол у него вывернуть. Положили мы их на асфальт по разные стороны от машины, документов не нашли никаких. Я гайцов-то вызвал, но этих двух нам пришлось основательно держать – очень уж ребята сопротивлялись. Но в ходе дружеской беседы, пока ждали, успел я из молодого вытрясти, кто их за вами пустил. Имя Витя Меченый говорит о чем-то?

Ну, еще бы! Это имя впечаталось в мою память намертво, еще когда мне было восемь лет, да что там – в память, вон оно, на шее слева у меня, в виде длинного тонкого шрама. Именно подручный Вити Меченого оставил этот след, не удержав финку и чиркнув мне по горлу в попытке запугать брата Славу. С этим шрамом я живу всю жизнь.

– Конечно, – хмуро буркнула я, – только я думала, что его уже в живых нет.

Это многое объясняло. Витя и мой отец были давними заклятыми «друзьями», делили территорию постоянно, и в какой-то момент папа ухитрился подмять всех под себя. Про Витю с тех пор слышно не было, поговаривали даже, что он не то умер, не то был убит – словом, его давно списали. А оказалось, что рано. И теперь я не могу утаить эту информацию от папы, потому что, скорее всего, это Меченый лезет буром в его банк.

– А скажи, больше ничего тебе этот молодой не сказал?

– Нет. Но живут они действительно в Воронцове. А еще у вас в доме «крот». Потому что им известны все передвижения Ефима Иосифовича, ваши и Акелы, вот так-то!

– Чем кончилось?

– А ничем. Дали по шее обоим и до приезда гайцов разбежались. – Никита встал и щелкнул кнопкой чайника.

– Как думаешь, кто сливает? – Я взяла новую сигарету и покрутила ее в пальцах.

Никита поднес зажигалку, я затаилась и выжидающе смотрела на телохранителя. Он молчал, только взъерошил пятерней рыжие волосы. Мне тоже на ум ничего не приходило. В основном в доме были люди старые и сто раз проверенные, папа редко брал кого-то со стороны и без рекомендаций. Да и Акела выяснял о кандидатах все, что мог. Подозревать было некого. Но Никита сказал – все передвижения известны, а откуда? Невозможно насовать «маячков» во все машины и телефоны.

– Кстати, надо тачку вашу посмотреть, – словно поймал мои мысли Никита, – а то сдается мне, там тюнинг небольшой произвели, вы ж машину где только не бросаете.

– Ну а что мне делать? С собой носить? – огрызнулась я скорее для порядка, чем по злобе.

– С собой не надо. А дождь-то так и не кончился, – Никита глянул в окно – там по-прежнему шумели потоки воды.

– Это когда же я теперь домой попаду... – протянула я.

– Ничего, попадете, я провожу.

– Да я не боюсь, чего мне... Сейчас Сашке позвоню, может, он за мной заскочит.

Надежды на то, что муж возьмет трубку, было мало, но вдруг?! И чудо произошло – он ответил на втором гудке:

– Ты уже дома, малышка?

– Я... н-нет... – запнулась я, поняв, что позвонила рано, не успев придумать правдоподобную историю своего нахождения в квартире якобы больного гриппом телохранителя.

– Пробили колесо, пытались поменять, промокли, позвонили мне, – отойдя в угол кухни, диктовал алиби Никита, поняв по моему растерянному лицу, что я попалась.

Я послушно, как нерадивый ученик подсказку, повторила это мужу. Но, разумеется, в истории был слабый момент – я понятия не имела, как сменить колесо у машины, это все же не байк.

– И давно ты начала интересоваться шиномонтажными работами? – насмешливо поинтересовался Акела.

– Да я ж не менять... я посмотреть вышла, машину кидать начало, а тут дождь...

– Ладно, разберемся. Сейчас подъеду.

Когда я вышла из подъезда, дождя уже не было, а Саша, припарковав «Мерседес» рядом с моей машиной, внимательно рассматривал ее колеса. У меня внутри все похолодело – второй раз мы с Никитой прокалывались на запасном колесе... Вот идиоты, какие же мы дураки... Кто угодно повелся бы на эту историю, но только не мой муж. Как я не подумала, что он не поленится осмотреть все колеса и поймет, что запаска мирно лежит в багажнике, как и лежала? Ну, как можно быть такой душой?!

Я подошла ближе – Акела поднял голову и устремил взгляд единственного глаза мне в лицо. Я отлично поняла, что чувствует наш огромный полудикий пес Князь, когда Саша ругает его за какую-то провинность. Захотелось спрятаться.

– Ну, здесь будешь оправдываться или до дома отложим? – мрачно поинтересовался муж, и я вдруг заметила, какое усталое у него лицо. Стало стыдно – у него и без меня проблем хватает, а я только добавляю.

– Прости... – Я шагнула ближе и прижалась лицом к пиджаку мужа. – У меня есть важная информация, давай скорее поедem домой, я должна вам с папой кое-что рассказать.

– Расскажешь мне по дороге, садись. – Он кивнул в сторону моей машины, но я, памятуя слова Никиты о возможном «жучке», покачала головой:

– Давай поедem на твоей.

– Хорошо, – ничуть, кажется, не удивившись, согласился Акела и велел водителю пересесть за руль моей машины.

Я забралась на пассажирское сиденье «Мерседеса» и села так, чтобы видеть профиль мужа – это всегда придавало мне сил.

– Ну, рассказывай. – Саша повернул ключ в замке зажигания и выехал из двора вслед за моим «Ауди».

– Пару дней назад я слежку за собой обнаружила, – начала я, стараясь выбирать слова и не говорить лишнего, – на «шестерке» меня конвоировали, но не до дома, а только до поста ГИБДД. Ну, мы с Никитой и решили...

– Разумеется, вы с Никитой тут же решили, что умнее всех, – негромко прокомментировал муж, вглядываясь в темную трассу.

– Саша, ну, не надо... Ты ведь знаешь...

– Я знаю только одно – мне нужно что-то сделать, чтобы ты задумалась. Что-то такое, что заставит тебя прислушиваться к моим словам и особенно – к моим запретам.

Началось... Лучше бы он орал на меня, чем вот этот спокойный ровный тон, тихий голос и отлично контролируемая ярость, которую я ощущаю физически – она исходит от его тела, я ее чувствую. Это самое ужасное, что мне приходилось видеть в жизни, – вот такой

запредельный самоконтроль. Я ведь понимаю, что он очень зол на меня. Я не смогла бы держать себя в руках, орала бы, визжала, и стало бы легче, а Акела... Прав был когда-то Бесо – ему со мной очень нелегко, и если бы он не любил меня так, как любит, неизвестно, чем бы все закончилось. Все-таки я маленькая бессовестная дрянь, пользующаяся его чувствами и отношением.

– Ты дослушай меня, пожалуйста, – попросила я, положив руку ему на бедро, – это действительно очень важно.

– Говори.

– Подробности тебе расскажет, если захочешь, Никита, меня при разговоре не было, но мой «хвост» признался в том, что прицепился ко мне по приказу Вити Меченого.

Муж тихо присвистнул:

– Сильно... а мы-то думали, он спекся давно.

– Я знаю... но, как видишь, не все так. И еще. Никита уверен, что у нас в доме кто-то снова «крысит».

– Твой Никита сильно много на себя берет.

– Саша, послушай... эти люди в курсе всех наших передвижений по городу – твоих, папиных, моих. Понимаешь?

– Мы не летчики, у нас полетных карт не бывает. Я с утра еще не знаю, где окажусь вечером, – буркнул Акела, но я поняла, что говорит он это скорее для того, чтобы немного успокоить меня.

– Саша...

– Скажи, что мне делать с тобой? Ты никак не можешь понять, что больше не одна.

– Я клянусь – это не специально! Я просто не хотела волновать вас с папой.

– Разумеется, мы волновались бы куда меньше, если бы нашли тебя с простреленной головой где-нибудь на пустыре. А рядом твоего Никиту, чтобы уж для полноты картины. Конечно, какие волнения? Никаких! Ты хоть иногда думаешь, что говоришь и делаешь? – Мне всегда было удивительно, как можно произносить такие тирады спокойно и не повышая голоса. Но как раз именно эта манера Акелы устраивать мне разнос и оказывалась действенной. Лучше бы он орал...

– Отцу скажешь? – Я опустила голову и совершенно перестала ощущать себя взрослой женщиной.

– А ты как думаешь?

О чем тут было думать... Понятное дело – скажет, только преподнесет это не как жалобу, а как добытую информацию. Мной добытую, Акеле чужой славы не нужно. И папа не погладит по головке, а как раз наорет – на это он мастер. И Никите еще достанется – и за обман, и за то, что потакает моим капризам. В общем, влипли мы с моим телохранителем, как, впрочем, всегда.

До дома добрались в гробовом молчании, я отказалась ужинать и сразу ушла к себе, сославшись на то, что сильно промокла и замерзла. Сашка весь вечер возился с Соней, я слышала, как в детской за стенкой они занимаются японским, и дочь бойко декламирует стихотворение про кошку, но понять текст полностью я не могла – не та подготовка, кроме слов «кошка», «миска», «молоко» и «спать», я ничего знакомого в стихах не услышала. Перед сном Соня забежала ко мне, забралась на постель и, обняв за шею, пожелала спокойной ночи. Мне почему-то стало слегка обидно – она не особенно замечала мое отсутствие, если Саша был дома, ей хватало общения с ним. Тут, конечно, была и моя вина, но как-то так повелось, что Акела значил в жизни Сони куда больше, чем я.

Муж явно не торопился ко мне, хотел, чтобы я осознала свою вину – ну а как же, воспитатель! Можно было, конечно, отвернуться и уснуть, но я никогда не засыпала, не выяс-

нив все до конца, не хотела мучиться всю ночь от обиды и заставлять еще и Акелу делать это. Он всегда переживал наши размолвки, я знала, что он считает себя, как более старшего и умного, виновным в любом конфликте – мог избежать, но не сделал этого. И я терпеливо ждала, пока он закончит все свои дела и придет в спальню.

Он вошел почти неслышно, как ходил всегда, когда в доме все засыпали, сбросил домашнюю одежду и лег на край кровати, осторожно потянул к себе одеяло. Меня бросило в дрожь, как, собственно, и всегда, едва тело мужа касалось моего. Но нет, пока рано...

Я перевернулась на живот, подобралась ближе и прижалась к горячему боку Акелы. Никогда я не могла равнодушно вдыхать запах его туалетной воды, с того самого момента, когда впервые ощутила его, с той поры, когда мне было всего семнадцать. До сих пор этот запах волновал меня и приводил в неопишуемый восторг. Тяжелая рука мужа легла мне на спину, осторожно погладила:

– Не спишь?

– Что ты... я тебя жду. Ты... говорил с папой? – чуть запнувшись, задала я вопрос, волновавший меня, пожалуй, не меньше «Фаренгейта», которым пользовался Акела.

– А ты как думаешь? – спокойно спросил муж, не убирая руки.

– Ну, судя по отсутствию криков и традиционного «Санька, я запрещаю тебе» в папином исполнении, думаю, что не сказал.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Ну... хочу убедиться лишний раз. Может, мы пока не станем волновать его, а? Ну, пока не все понятно? – поглаживая мужа по груди, спросила я.

– То есть ты еще не все фортели выкинула? – насмешливо поинтересовался Акела, прижав мою руку огромной ладонью.

– Саша...

– Ну что – «Саша»? Аленька, ты забываешь, что все твои хитрости я знаю наизусть. И не об отцовском здоровье ты сейчас заботишься, а о том, как бы оттянуть момент наказания за самоуправство, да?

Не скажу, что меня так уж пугало это пресловутое «наказание» – ну, поорет отец, побрызжет слюной, потопает ногами. И все на этом. Потому что в душе – это я хорошо знала – будет гордиться тем, что его дочь оказалась умнее и хитрее мужчин. В который раз. Не знаю, почему, но мне всегда приятно было это его молчаливое признание моих заслуг. Наверное, мне нужно было родиться мужчиной, а не пигалицей метр шестьдесят ростом.

– Ну, Саш...

В том, что я родилась женщиной, несомненно, было одно преимущество – даже мой сильный и прекрасно владеющий собой муж в некоторых моментах оказывался беззащитен и весьма податлив.

– ...ты играешь не по правилам, – выдохнул Акела, стараясь восстановить сбивающееся дыхание, – ты прекрасно понимаешь, что я не могу устоять, и бессовестно этим пользуешься.

– Я не виновата, что иной раз мне приходится вести себя как женщина, чтобы добиться своего, – промурлыкала я, не шевелясь и не открывая глаз.

– Хорошо... можешь считать, что сейчас ты своего добила... я пока ничего не буду говорить Фиме, сам постараюсь проверить. Но ты держись подальше, поняла? Подальше! – с этими словами он, повернувшись на бок и нависая надо мной, сжал пальцами мой подбородок, заставляя открыть глаза. – Ты все поняла, Аля?

Я кивнула и закинула руки ему на шею, притянула к себе и поцеловала:

– Как скажешь, мой господин.

Однако по его взгляду я поняла, что господин не верит ни единому моему слову...

Утро принесло новую проблему. Мы слышали об этом, едва только открыли глаза, Акела даже не успел выйти на свою обязательную утреннюю тренировку, когда снизу, из гостиной, раздался утробный рев отца:

– Где, где, вашу мать, я успел так нагрешить, что меня окружают одни идиоты?!

Папа, большую часть жизни встававший и ложившийся по команде, ухитрялся не считаться с тем, что у нас может быть свой распорядок дня, и потому не стеснялся вот так будить нас. Но, судя по тексту, сегодня что-то действительно случилось.

– Та-ак, – протянул Акела, отбрасывая одеяло и вставая с постели, – началось в деревне утро!

Я, укутавшись до подбородка, смотрела на одевающегося мужа. Даже папин ор не мог мне помешать любоваться идеальной фигурой и широкими плечами Сашки, его покрытым татуировкой торсом.

– ...ты не слышишь, что ли, Аля? – Ой, я и правда настолько увлеклась, что прослушала, о чем говорил в этот момент Акела:

– Да, прости...

– Вниз, говорю, пока не спускайся, я даже не прошу... – многозначительный взгляд, пауза – все призвано воздействовать на мою совесть и понятливость. Что ж, после вчерашней уступки мужа мне придется тоже чем-то ответить.

– Конечно, как скажешь.

– Смотри, – коротко бросил Акела и вышел из комнаты.

Я тоже вылезла из-под одеяла и пошла в душ. Интересно, что случилось на этот раз? Как-то опять жизнь понеслась вскачь, ни к чему хорошему это никогда не приводило, сколько себя помню. Но есть вещи, которые от нас совершенно не зависят.

За завтраком все сидели мрачные, сосредоточенно ковырялись в тарелках и молчали. Папа, против обыкновения, выпил рюмку водки, и это было совсем уж странно – он никогда не пил с утра. Акела, глядя на это, чуть поморщился, но, разумеется, ничего не сказал. Даже Соня не вертелась и не приставала ко всем с разговорами, как делала обычно, а молча доедала овсянку. Дожили – ребенок стал хуже старушки, все понимает и все чувствует. Будь они неладны, эти ваши дела, мои дорогие мужчины...

– Поехали, Акела, – хмуро бросил отец, вставая из-за стола, и Саша тут же поднялся, поцеловал в макушку Соню, обнял меня за плечи и, повернув к себе лицом, поцеловал в губы. «Как попрощался», – обожгло меня, и я в ужасе схватила его за руку:

– Не надо!

– Не надо – что? – удивленно спросил муж, накрывая мою руку с побелевшими от напряжения пальцами своей. – Что с тобой, малышка?

Я не могла объяснить, что со мной, только старалась не заплакать, чтобы не испугать Соню, во все глаза наблюдавшую за нами.

– Акела! – заорал из прихожей папа. – Хватит потакать бабским капризам, успеете вечером нализаться, не срок тянуть, поди, отваливаешь!

Это было ново. Никогда прежде отец не позволял себе такой грубости в высказываниях насчет меня. Акела, чуть дернув покрытой шрамами щекой, снова наклонился и поцеловал меня, шепнув на ухо:

– Все будет хорошо, малышка. Все всегда будет хорошо, я тебе обещаю, – и, легко распрямившись, вышел из столовой.

У меня потемнело в глазах, я уцепилась пальцами за край стола, чтобы не упасть, и Соня, подбежав ко мне, обняла за плечи:

– Мама, мамочка, тебе плохо?

– Н-нет, Соня, все в порядке, – пробормотала я, стараясь справиться с охватившей меня тревогой. – Ты беги, надевай пальто, сейчас в школу поедem.

– Ты сама меня повезешь?

– Да, сама.

Дочь убежала, а я с трудом поднялась и, чуть пошатнувшись, дошла до этажерки в углу, где хранились папины лекарства. Отыскав там пузырек с валокордином, я накапала его в большой стакан, выпила залпом, сморщилась от омерзительного вкуса и, дотянувшись до кувшина с морсом, сделала большой глоток прямо из него.

– Санюшка, ты что же это? – от голоса Гали я вздрогнула и едва не разбила кувшин. – Заболела?

– Прихватило что-то, – призналась я, возвращая кувшин на место, – ладно, Галя, ехать мне нужно, а то Сонька в школу опоздает.

– Да на тебе же лица нет, куда ты собралась-то? – Галя преградила мне выход из столовой. – Ну-ка, давай в постель, а я сейчас скажу охранникам, пусть Соню увезут. Да и Ленке позвоню, пусть в школу едет.

Лена была Сониной няней, и к ее услугам мы прибегали вот в таких случаях – когда никто из своих не мог быть рядом с девочкой. А мне на самом деле сделалось совсем плохо, и единственным местом, где мне бы следовало сейчас находиться, была кровать, это уж точно.

Галя решила все проблемы в один момент; когда было нужно, она вдруг обретала командный голос и распоряжалась не хуже папы. Отвозить Соню был подряжен Тимур, второй папин водитель, а забирать – Лена и Никита, которому теперь не было нужды притворяться больным. Я же ушла к себе в спальню, сбросила одежду прямо на пол и, забравшись под одеяло, закуталась с головой. Даже на звонок в академию у меня не было сил, и заведующий, не дождавшись, позвонил сам. Однако и тут Галя успела быстрее, схватила трубку:

– Нет, Александра Ефимовна подойти не может, заболела она. Да, пусть полежит хоть денек, и так в чем душа держится.

– Галя... – пробормотала я, – ну, что ты несешь... – но она отмахнулась, выключая телефон:

– И без тебя справятся. Ишь, посинела вся! Лежи тут и вставать не думай даже, не то позвоню вот Александру Михайловичу!

Это был, пожалуй, самый весомый аргумент в арсенале домработницы. Акеле сейчас не до моих болезней, не до волнений за меня, ему нужно сосредоточиться на папиных проблемах, и я ни в коем случае не должна ему мешать. Так что лягу и полежу тихонько.

Я не могла объяснить причину такого внезапного приступа паники, просто в том, как прощался сегодня Акела, мне почудилось что-то фатальное, то, чего потом нельзя будет исправить, какой-то знак. Папа всегда говорил: если все идет очень плохо, это значит, что скоро все пойдет очень хорошо. Однако эта поговорка имела и обратную силу, и после хороших времен всегда наступали плохие, это уж как закон. Осталось только понять, как было сейчас – плохо или хорошо.

Я ненадолго задремала, согревшись под одеялом и прислушиваясь к мерному стуку дождевых капель о металлический подоконник. Звук дождя всегда был моим любимым, под него отлично засыпалось даже в состоянии нервного возбуждения. Акела тоже любил дождь... Я вскинулась в постели от пронзившей меня мысли – а ведь я сегодня почти все время думаю о муже в прошедшем времени.

– Дура, – застонала я, хватаясь за голову, – дура, идиотка! Ведь накаркаю, накличу!

Нужно было срочно чем-то себя отвлечь, и я не нашла ничего лучше, чем позвонить Ольге Паршинцевой – моей благоприобретенной приятельнице, с которой прошлой зимой мы влипли в довольно неприятную историю, едва не стоившую Ольге жизни. Но именно Паршинцева тогда помогла мне доказать непричастность Акелы к целой серии убийств бомжей, совершенных с помощью украденного из нашей городской квартиры меча. С тех пор мы довольно близко сошлись с Ольгой, да мало этого – Никитин братец Савва был влюб-

лен в нее и, стесняясь признаться в своих чувствах, не нашел ничего лучше, чем пригласить Ольгу работать в его детективном агентстве. Склонная к анализу и прекрасно разбирающаяся в криминалистике, Ольга согласилась, а мы с Никитой получили повод подтрунивать над влюбленным Саввой, при виде Ольги красневшим, как вареный рак.

День оказался «не мой» – Ольга с сожалением в голосе сообщила, что никак не сможет сегодня поболтать, совершенно нет времени, есть работа в агентстве, да и мама заболела, нужно бы домой пораньше вернуться. Я пожелала ее маме скорейшего выздоровления и положила трубку с кислой миной – очень надеялась, что Ольга свободна и одна дома, и мы с ней хоть поболтаем. Кстати, она как-то заговаривала о том, чтобы возобновить занятия японским языком с Сашей, собственно, именно так она и попала в наш дом, мы познакомились на языковых курсах. Было бы неплохо. И мне веселее, и с Соней у них сложились хорошие отношения. Как любой женщине, мне иногда тоже хотелось иметь подругу, которых после уехавшей за границу одноклассницы больше в жизни так и не случилось.

До возвращения из школы дочери, которая отвлечет меня от проблем, было еще довольно много времени, и я решила помочь на кухне. Судя по доносившимся оттуда запахам капусты, Галя затеяла свои знаменитые пирожки, а это дело хлопотное и довольно долгое.

– Ты чего подхватила? – увидев меня на пороге кухни, охнула Галя, вытирая тыльной стороной руки лоб.

– Не могу лежать, давай, тебе тут помогу.

– Ну, гляди, хочешь, так помоги лучше Александру Михайловичу к ужину что-то придумать. Он-то пироги есть не станет!

Действительно, Сашка, кроме мяса, практически ничего европейского или русского в последнее время не ел, совершенно перейдя на рис, рыбу и овощи, приготовленные по-японски. Гале на старости лет пришлось туговато, поэтому я, если могла, старалась облегчить ей работу. Когда мы жили в городе, я сама готовила ужины, изучив предварительно немало кулинарных книг, поэтому вполне сносно управлялась с довольно несложными в приготовлении блюдами. Собственно, Акела не был особенно прихотлив, это значительно облегчало задачу. Папа, кстати, никогда не высказывался по этому поводу, хотя обычно все остальные домочадцы ели то же, что и он. Но зятю папа сделал уступку, и это свидетельствовало о его уважении к Акеле, а добиться такого от моего папеньки было довольно сложно.

Я возилась с листами водорослей-нори, когда мне в голову вдруг пришла идея...

– Галочка, а ты не знаешь, чего это папа так орал сегодня утром? – осторожно, как бы между делом, поинтересовалась я, и Галя, тяжело вздохнув, сказала:

– Да как не знать? Игорь с утра из города газеты свежие привез, а там, в нашей-то местной, статья про Ефима Иосифовича – большая такая статья, про банк его, про фирмы все. Про прошлое. Так размазано, что аж запах от газеты.

– Какой запах? – не поняла я.

– Дерьма, Санюшка, – вздохнула опять Галя, – и ведь какая гнида могла такое написать... что, мол, налогов Гельман не платит, а в банке его краденый клинок, мол, хранится.

– Чего?! Какой клинок?! – Я выронила нож и нагнулась, чтобы поднять, и тут меня обожгло: а ведь подуло опять не тем ветром. И речь, скорее всего, об украденном не так давно из городского музея клинке работы японского мастера Канэмицу. Теперь мне стало понятно, почему Акела ходит мрачнее тучи – разумеется, его имя в первую очередь свяжут с этим фактом. Еще бы – он единственный в городе коллекционер старинного японского оружия, у него такой набор, что музею впору закрыться из зависти. Этот клинок был в музейной экспозиции единственным подлинным, принадлежал пленному японскому офицеру, отбывавшему срок после войны в здешнем лагере для военнопленных. Не понимаю, правда, как этот самурай ухитрился сохранить его. О клинке работы Канэмицу Сашка рассказывал мне как-то, это была очень интересная история, и вот клинок похищен, а некто намекает на то,

что хранится он в банке у папы, а папин зять – Акела, занимающийся старинным оружием... В общем, логика есть, конечно...

Теперь понять бы, кто именно спер клинок, подложил его в банковскую ячейку, а потом слил информацию в газету. Кстати, надо найти журналиста. Сама того не замечая, я уже нарушала данное мужу обещание не вмешиваться...

– Галочка, а газетки этой не осталось ли, случайно? – задавая этот вопрос, я не особенно надеялась на успех, потому что папа в порыве ярости запросто мог превратить газету в кучку мусора, но вдруг...

Чуда не произошло. Галя всплеснула руками, запорошенными мукой, и проговорила:

– Что ты, что ты! Да Ефим Иосифович как дочитал, так тут же в мелкие клочки все и изодрал, я потом на коленях всю гостиную исползала, покуда собрала.

Ну, естественно, ничего другого я и не ожидала...

Мне многое стало понятно. Папа, судя по всему, не разобравшись, начал цепляться к Акеле – ну, еще бы. Он никогда не одобрял увлечения, уже едва не стоившего моему мужу свободы, а теперь, когда на арену снова вышла японская фамилия и японское же оружие, папа взорвался. Конечно, он не думал, что это Акела украл меч – об этом речи, разумеется, не шло. Но вот слухи о его коллекции сразу дали повод журналистам прицепиться к этому факту и связать воедино украденный меч, Акелу и папин банк. А это моему отцу понравиться никак не могло.

Я закончила с водорослями, убрала со стола, сунула чашку с салатом в холодильник и пошла к себе. Во что бы то ни стало нужно раздобыть газету, это я поручу Никите – повезет Соню домой и купит. А еще нужно попытаться понять, может ли быть как-то связан с этим делом Витя Меченый, и если да, то как именно. Опять вопросов больше, чем возможностей на них ответить! И, кстати, теперь мне стало ясно мое утреннее тревожное состояние – вот и новости об Акеле, пусть и косвенные.

Никита звонку удивился, но лишних вопросов не задал, уже хорошо.

– Мы уже выехали, скоро будем.

Хорошая новость, а то я просто лопну от распирающего меня любопытства. Я надела спортивный костюм, накинула куртку и вышла во двор покурить и немного пройтись. Моросил дождь, небо серое, кругом опавшие мокрые листья, которые еще не успел убрать дворник. Погода не самая прогулочная, конечно, но терпимо. Я села на перила крыльца, вытянула ногу и закурила, глядя на то, как из будки лениво выползает огромный цепной пес. Князю, конечно, не очень хотелось покидать сухую теплую лежанку, но для порядка он обязан был выйти и посмотреть, кто во дворе. Увидев меня, он пару раз вильнул хвостом и шустро юркнул обратно – опасности нет, можно отдыхать.

– А вы дома сегодня, Александра Ефимовна? – окликнул меня возившийся около бани Илья, исполнявший у нас функции дворника, и я вдруг вспомнила, что сегодня пятница, папа вечером обязательно пойдет в баню.

– Да, Илья, что-то нездоровится мне.

– Так вы в баньку вечером, сразу вся хворь и выйдет, – посоветовал он, набирая поленья на вытянутую руку.

– Посмотрим, – уклонилась я, чтобы не обижать человека резким отказом. Баню я не любила с детства, предпочитала ванну или душ, а вот мокрый пар, адскую жару и запах распаренного березового веника просто не выносила.

Илья скрылся в помещении, а я, выбросив окуроч, подтянула сползшую с плеч куртку и задумалась. Надо бы еще в музей наведаться, как-то аккуратно выяснить, при каких обстоятельствах пропал клинок. Вдруг повезет...

Конечно, делать это все придется тайком от мужа и отца, но у меня же есть Никита и Савва, есть Ольга, которая не откажется помочь. А мне ведь еще и на работе нужно появ-

ляться, мой завкафедрой не оценит склонности к дедукции, ему нужен план занятий и список тем, разбираемых с группами. А в конце декабря, между прочим, экзамен у второкурсников, а это означает консультации, подробный разбор препаратов, пробные тесты и все прочее. А эти вечные «должники»... Б-р-р, даже думать не хочу! В моих группах таковых всегда хватает, к сожалению, потому что я никогда не покупаюсь на сопливые разговоры о болезнях, подработках и маленьких стипендиях. Анатомия – это основа, без которой врач не может работать, не имеет права делать этого. И «удовлетворительно» в зачетке, подписанное моей рукой, означает приличное знание предмета, а не то, что студент прослушал курс. Многие коллеги меня не понимают, конечно, но это их проблемы. Я не хочу краснеть за своих учеников, а потому заставляю их учить предмет.

Я вдруг поймала себя на том, что мысли мои скачут с одного на другое, и это верный признак волнения. Я в растерянности, вроде бы вижу, чем заняться, но пока не знаю, как именно сделать это. Ужасно не хочется нарушать данное Саше обещание – и невозможно что-то выяснить, не нарушив его. Замкнутый круг... Я знаю, что может успокоить меня и помочь привести в порядок нервы, но без Никиты ехать с винтовкой на карьер не могу. Черт бы его побрал, где же он?!

Я прыгнула с перил и пошла все-таки в кабинет отца, где в сейфе хранилась моя новая винтовка. Ну, так нам обоим было спокойнее – и мне, и папе. Шифр я знала – все-таки в сейфе хранилось мое оружие, потому проблем не было. Вытащив чехол с винтовкой, я отнесла оружие в гараж и сунула на заднее сиденье своей машины. Когда приедет Никита, мы поедем на карьер, и там я всласть постреляю, а заодно и обдумаю все. Стрельба всегда давала мне возможность отбросить ненужное и сосредоточиться на главном. Кто-то для таких целей раскладывает пасьянс, мой муж – упражняется с шестом или тэссеном, а я вот стреляю по мишеням. Каждому свое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.